

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент

_____ Л. И. Шестакова
« ____ » _____ 2020 г.

**СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ–41.03.01.2020.012. ВКР

Руководитель работы, к. и. н.,
доцент

_____ В. Е. Фейгин
_____ 2020 г.

Автор работы

студент группы ЛМ-405

_____ А. К. Кучина
_____ 2020 г.

Нормоконтролер, д. и. н.

_____ А. Д. Таиров
_____ 10 июня _____ 2020 г.

Челябинск 2020

АННОТАЦИЯ

Кучина, А. К. Сотрудничество Китая и России в борьбе против терроризма в Центральной Азии. – Челябинск: ЮУрГУ, 2020, ЛМ – 405, 101 с., библиогр. список – 87 наим.

Выпускная квалификационная работа выполнена на тему «Сотрудничество Китая и России в борьбе против терроризма в Центральной Азии».

Объектом выпускной квалификационной работы является российско-китайское сотрудничество в рамках проблемы противодействия терроризму в Центрально-Азиатском регионе.

Цель выпускной квалификационной работы – изучение существующих механизмов антитеррористической деятельности РФ и КНР как источников стабильности и безопасности в Центральной Азии и их совершенствование.

В выпускной квалификационной работе изучена международная нормативно-правовая база в контексте борьбы с терроризмом. Изучена система и основные принципы межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Выявлены проблемы международного терроризма в Центральной Азии (как регион повышенной опасности): причины, формы. Проанализирована политика стран Центрально-азиатского региона в борьбе с терроризмом. Обоснованы форматы взаимодействия РФ и КНР как источников стабильности и безопасности в Центральной Азии.

Результаты выпускной квалификационной работы имеют практическую значимость, и заключается в теоретическом обосновании и практических рекомендациях по взаимодействию Российской Федерации и Китайской Народной Республики в антитеррористической деятельности в Центрально-Азиатском регионе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	10
1.1 Международная нормативно-правовая база в контексте борьбы с терроризмом	10
1.2 Система и основные принципы межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом.....	19
ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА	28
2.1 Проблема международного терроризма в Центральной Азии : причины и формы.....	28
2.2 Политика стран Центально-азиатского региона в борьбе с терроризмом	41
ГЛАВА 3. РФ И КНР КАК ИСТОЧНИКИ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	56
3.1 Стратегия и тактика РФ	56
3.2 Стратегия и тактика КНР.....	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	90

90 ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Одной из глобальных мировых угроз человечеству на сегодняшний день является терроризм. Современный терроризм сегодня несет особую опасность тем, что представляет реальную угрозу не только национальной безопасности отдельных государств, но и приобрел ярко выраженный международный характер, угрожая стабильности международного миропорядка. В связи с этим успешная борьба с терроризмом становится невозможной без сотрудничества государств и совершенствования национального и международно-правового регулирования противодействия этому международному преступлению.

Сотрудничество Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) в сфере безопасности стало сегодня одним из основополагающих факторов, влияющих на выстраивание отношений между ними. Особое внимание РФ и КНР уделяют региону Центральной Азии, поскольку его значение в мировой экономике и политике в последние годы значительно возросло, и будет расти и впредь. Терроризм в Центральной Азии представляет собой сложные и многоаспектные явления, содержащие политический, экономический, религиозный, социальный, криминальный и военный компоненты.

Степень разработанности научной проблемы. В анализе международного терроризма выделяются различные проблемно-тематические направления. Изучение радикальных причин международного терроризма активно осуществляется российскими исследователями Ю. И. Авдеевым, В. И. Василенко, К. Х. Ипполитовым, А. В. Поповым, К. М. Мартыненко, В. В. Устиновым и др. Международный терроризм как инструмент достижения геополитических целей в мире рассматривается Ю. Е. Волковым, М. И. Дзлиевым, И. Ю. Залысиным и др. В рамках данного направления различные виды международного терроризма,

проявившиеся в эпоху мировой глобализации, анализируются Ю. И. Бойцовым, В. И. Луковым, А. К. Микеевым, С. А. Эфировым.

Зарубежные террологи М. Бассиоуни, М. Хиберг, Б. Дженкинз, Р. Фридлендер и А. Роберте исследуют проблемы определения международного терроризма, находя в его формах отчетливое сходство с такими явлениями, как «война» и «агрессия», или «суррогатная война», а сам акт международного терроризма приравнивается к агрессивной войне. У. Во, Дж. Хенн Леурдик, Б. Хоффман исследуют социальные причины международного терроризма, связывая с деятельностью национально-освободительных или революционных движений в различных регионах земного шара и определяя их как основной источник террористических актов.

Заметный вклад в исследование проблем международного терроризма и борьбы с ним внесли китайские террологи, политологи: Фань Минцянь, Ду Цивэнь, Ли Вэйцзюнь, Цяо Вэйбин, Ло Яни и др.

Объект выпускной квалификационной работы – российско-китайское сотрудничество в рамках проблемы противодействия терроризму в Центрально-Азиатском регионе.

Предмет выпускной квалификационной работы – процессы организации деятельности РФ и КНР в рамках борьбы с терроризмом в Центральной Азии и форматы их взаимодействия по реализации разработанных алгоритмов антитеррористической деятельности, учитывая региональные особенности проявления террористической угрозы.

Цель выпускной квалификационной работы – изучение существующих механизмов антитеррористической деятельности РФ и КНР как источников стабильности и безопасности в Центральной Азии и их совершенствование.

Задачи выпускной квалификационной работы.

1. Изучить международную нормативно-правовую базу в контексте борьбы с терроризмом.

2. Проанализировать систему и основные принципы межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом.

3. Выявить проблемы международного терроризма в Центральной Азии (как региона повышенной опасности): причины, формы.

4. Проанализировать политику стран Центрально-Азиатского региона в борьбе с терроризмом.

5. Обосновать форматы взаимодействия РФ и КНР как источников стабильности и безопасности в Центральной Азии.

Методологическая основа исследования включает комплексный подход к изучению политических процессов, компаративный метод, который заключается в сравнении и противопоставлении различных точек зрения на исследуемую проблему. Также использованы общенаучные теоретические методы: метод отбора, обобщения, синтеза, анализа и оценки научного материала, а также метод прогнозирования. Среди эмпирических методов использованы метод описания, ситуационный анализ. Совокупность данных методов помогает подробно изучить рассматриваемую тему, выявить ее особенности, выполнить поставленные задачи и достигнуть цели исследования.

Результаты выпускной квалификационной работы имеют практическую значимость, и заключается в теоретическом обосновании и практических рекомендациях по взаимодействию Российской Федерации и Китайской Народной Республики в антитеррористической деятельности в Центрально-Азиатском регионе

ГЛАВА 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1.1 Международная нормативно-правовая база в контексте борьбы с терроризмом ?

Безусловно, проблема противодействия терроризму в XXI в. является одной из наиболее актуальных и часто обсуждаемых в мировой повестке дня. На современном этапе терроризм превратился в фактор, серьезно дестабилизирующий нормальное развитие международных отношений [9, с. 143].

По данным «Global Terrorism Database» (глобальный индекс терроризма) в 2018 г. в мире от рук террористов погибло почти 16 000 человек. По статистике в 2019 г. в результате только 2000 наиболее крупных терактов оборвались жизни более 9000 человек и получили ранения свыше 11 000 человек в разных странах мира. После пика в 2014 г., когда произошло почти 17 000 террористических актов и погибло более 45 000 человек, отмечается снижение общего числа террористических атак. По данным, ежегодно публикуемым Институтом экономики и мира (IER), число людей в мире, погибших в результате терактов, также сокращается [86].

Основными причинами этого сокращения является удар, который был нанесен по террористической группировке «Исламское государство» (ИГ) в Сирии и Ираке. При этом афганское исламистское движение «Талибан» в 2018 г. в списке терактов обогнало ИГ (обе группировки запрещены в РФ). От рук талибов в 2018 г. погибли 6100 человек (38% от общего числа жертв террористов в мире), что на 71 % больше, чем годом ранее. Одновременно число жертв ИГ уменьшилось за год на 70 % до 1300 человек [22].

Однако при этом в 2018–2019 гг. с 67 до 71 выросло число стран, где в результате теракта погиб хотя бы один человек, то есть терроризм распространяется по миру. Более 70 государств испытали на себе последствия 5000 резонансных террористических акций. Это один из самых высоких показателей за 20 лет. На этом фоне 98 стран в мире улучшили свои позиции

в антитеррористическом рейтинге, а 40 государств – ухудшили. На первое место по числу жертв терроризма вышел Афганистан, на втором Ирак. За ними следуют Нигерия, Сирия, Пакистан, Сомали, Индия [21].

Главным препятствием, затрудняющим единый подход к пониманию сущности современного терроризма и, как следствие, создающим сложности в выработке согласованных международных мер по борьбе с ним (в том числе и на уровне межгосударственного антитеррористического сотрудничества РФ и КНР), является, прежде всего, крайняя политизированность его оценок, а также отождествление с политическим экстремизмом и другими деликтами.

Термин «терроризм» происходит от латинского «terror» – страх, ужас. Основная функция, террора (терроризма) – решение политических проблем методом насилия. Впервые террор как метод насилия был использован в XVIII в. во время Великой французской революции радикальными революционерами для репрессий против политических противников.

В настоящее время термин «терроризм» широко употребляется как в научной среде, так и в обществе, но единого мнения по поводу его определения нет. В многочисленных трактовках понятия «терроризм» раскрывается его природа, сущность, свойства и функции.

Как справедливо отмечает М. Ф. Мусаелян, смысловое и правовое значение (содержание) терминов «террор» и «терроризм» различны [49, с. 56]. Террор как специфический метод достижения целей известен с древнейших времен и лежит в основе терроризма – сложного социально-политического явления. Таким образом, терроризм, по мнению С. М. Ермакова, – это не просто инструмент достижения определенных целей, а именно целенаправленная политика опоры исключительно на террористические методы и приемы [26, с. 36]. По мнению Т. Устиновой, понятие «терроризм» является составной частью более широкого понятия «террористическая деятельность», включающего не только организацию, планирование, подготовку, но и «реализацию террористической акции» [76, с. 16].

В 1968 г. в резолюции V Конгресса по унификации уголовного законодательства терроризм был квалифицирован как деяние, направленное на разрушение всякого социального строя. Также терроризм характеризуют как агрессивное применение или угрозу применения насилия против гражданского общества для достижения целей (политических, публичных, экономических и социальных) посредством принуждения к совершению тех или иных действий в пользу террористов. Терроризм препятствует установлению международных контактов, экономических и политических связей.

Деятельность субъектов терроризма подразделяется учеными на собственно террористическую, криминальную и социально-политическую. Террористическая деятельность рассматривается как специфический вид вооруженных действий. Криминальная деятельность определяется как вид уголовной преступности. Социально-политическая деятельность является выражением социально-политического протеста. Субъектами террористической деятельности при этом могут быть как отдельные индивиды, так и социальные группы, международные организации, движения политической, религиозной и другой направленности.

В связи с этим в сфере регулирования международного антитеррористического права наряду с принципом национальной юрисдикции важное место принадлежит принципу экстерриториальной юрисдикции. Это означает, что любое государство имеет право преследования лиц, совершивших террористические действия независимо от их гражданства, места совершения преступления и наличия в уголовном законодательстве ответственности за это преступление [33, с. 54].

В современных условиях мы сталкиваемся с различными видами терроризма (индивидуальный и коллективный, государственный и международный, националистический, религиозный, социальный, бомбовый, ядерный, информационный, технологический, компьютерный («кибертерроризм»)), а также с различными проявлениями террористической деятельности (индивидуальный

террор, диверсии, экстремизм, сепаратизм и т. п.). При этом каждая из подобных разновидностей обладает определенными особенностями [73, с. 286].

До середины 80-х гг. XX в. не было существенной разницы между понятиями «государственный терроризм» и «международный терроризм». Сегодня государственный терроризм трактуется как наиболее опасный вид международного терроризма. С целью противодействия ему в 1984 г. на Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций (ООН) принята специальная резолюция «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государства, направленных на подрыв общественно-политического строя в другом суверенном государстве», а в 1985 г. – резолюция, призывающая препятствовать любым проявлениям государственного терроризма [1, с. 7].

В 1991 г. Комиссия международного права ООН разработала и приняла в первом чтении проект Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, среди которых были выделены: агрессия; вмешательство во внутренние и внешние дела другого государства; геноцид; систематическое и массовое нарушение прав человека; исключительно серьезные военные преступления; вербовка, использование, финансирование и обучение наемников; международный терроризм; незаконный оборот наркотических средств и т. д. В 1997 г. Комиссия указала в проекте Кодекса, что к государственному терроризму относятся: организация на территории государства или допуск на его территорию вооруженных банд для вторжения на территорию другого государства; ведение или поощрение деятельности с целью возбуждения междоусобной войны в другом государстве [3, с. 128].

Международное антитеррористическое законодательство постоянно дополняется и изменяется. Анализируя правовые акты в этой сфере, их можно разделить на две большие группы. К первой относятся соглашения, направленные на предупреждение отдельных видов террористической деятельности, а вторая группа актов касается борьбы с терроризмом в целом, как комплексным

криминальным и социальным явлением. При этом в своих соглашениях государства до настоящего времени не закрепили единого определения международного терроризма. Такая попытка была предпринята на 42-ой сессии Государственной Ассамблеи ООН в 1987 г. Сирией, но не получила поддержку большинства стран из-за отсутствия в международном сообществе единого подхода к понятийному определению терроризма и его движущих сил, наличия двойных стандартов в правоприменительной практике в области борьбы с терроризмом, а также по причине отсутствия единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях. Выход нашли в создании ряда соглашений, затрагивающих отдельные аспекты борьбы с международным терроризмом. В международных соглашениях стали сразу закреплять признаки составов преступлений, в борьбе с которыми осуществляется сотрудничество [7].

В Докладе Генерального Секретаря ООН «Меры по ликвидации международного терроризма» от 03.07.2001 г. было отмечено, что в настоящее время существует двенадцать международных конвенций, касающихся международного терроризма [45].

Двенадцать конвенций (другие исследователи указывают на принятие тринадцати конвенций, отдельно выделяя протокол, дополняющий конвенцию) – это специальные международно-правовые акты универсального характера по различным аспектам преступлений международного терроризма, а семь конвенций представляют собой региональные соглашения по регламентированию борьбы с международным терроризмом практически по всем регионам мира.

В 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию «Стратегия партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму». Важно отметить, что предметом 12 универсальных конвенций является борьба с проявлением, по сути, одного и того же явления – совершения незаконных насильственных актов, сопряженных с устрашением и запугиванием населения.

«Одна из главных целей террористов – запугивание, создание атмосферы страха, неуверенности и безопасности жизни» [70].

Совокупность международно-правовых средств, закрепленных в нормах международных конвенций, применяемых для пресечения отдельных актов международного терроризма, и составляет конвенционный механизм борьбы с международным терроризмом.

Международное сообщество в большинстве своем рассматривает в качестве антитеррористических следующие документы: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14.11.1963 г.); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16.12.1970 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23.09.1971 г.); Конвенция о предотвращении и наказании за преступления против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14.12.1973 г.); Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27.01.1977 г.) ETS N 090; Конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17.12.1979 г.); Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок (Вена, 26.10.1979 г.); Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (Монреаль, 24.02.1998 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10.03.1988 г.); Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (Рим, 10.03.1988 г.); Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (Монреаль, 01.03.1991г.); Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15.12.1997 г.); Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 09.12.1999г.); Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 13.04.2005г.); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16.05.2005 г.) ETS N 196.

В Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Шанхай, 15.06.2001 г.), подписанной руководителями КНР, РФ, Казахстана, Таджикистана и Киргизстана, определены термины «терроризм, сепаратизм и экстремизм» как «три зла», с которыми необходимо совместно бороться для поддержания безопасности и стабильности в азиатском регионе. Стороны договорились о содействии путем обмена информацией и выполнения запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Взаимодействие между центральными органами стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) решено вести в рамках двусторонних и многосторонних форматов на основании запросов об оказании содействия [84].

Еще один документ – Договор государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ) о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма (Душанбе, 05.10.2007 г.) – направлен на совершенствование правовой основы и укрепление сотрудничества в указанной сфере. Он обязывает страны принять правовые акты, обеспечивающие взаимодействие их компетентных органов в предупреждении и расследовании преступлений, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма, а также обеспечить условия для возврата доходов, полученных преступным путём, и средств, используемых для финансирования терроризма [23].

Значимым событием в развитии нормативной правовой базы по противодействию терроризму стала подписанная на саммите государств-членов ШОС Конвенция против терроризма (Екатеринбург, 16.06.2009 г.), в которой закреплены формы и методы борьбы с терроризмом с учетом положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН, Конвенций и резолюций Совета Безопасности (СБ) ООН [16]. Учитывая, что террористические организации в настоящее время широко используют информационные технологии, на саммите ШОС было подписано Соглашение о сотрудничестве в

области обеспечения международной информационной безопасности, в котором основное внимание уделено вопросам противодействия кибертерроризму.

Отдельную роль в универсальной правовой системе противодействия терроризму играют акты СБ ООН. В отличие от многосторонних договоров, присоединение к которым не обязательно для государства, резолюции СБ, принятые в соответствии с главой VII Устава ООН, юридически обязательны для всех членов ООН, вступают в силу автоматически и немедленно, юридически составляют часть международной антитеррористической правовой базы. Начиная с 1986 г., СБ ООН традиционно использует механизм резолюций как официальную международную реакцию на события военных конфликтов и политических кризисов, в том числе и на террористические атаки.

Основными антитеррористическими резолюциями СБ являются: о замораживании финансовых средств «Аль-Каиды» и движения «Талибан» и создании Комитета по санкциям в отношении данных организаций (1999 г.), о недопустимости финансирования террористической деятельности и создании Контртеррористического Комитета (2001 г.), об учреждении Исполнительного Директората Контртеррористического Комитета (2004 г.), о недопустимости подстрекательства к террористическим актам, противодействию идеологии терроризма и пропаганде его идей (2005 г.) [34].

В 2017 г. международно-правовую базу противодействия идеологии терроризма и экстремизма удалось расширить за счет принятия новаторской резолюции СБ ООН, одобряющей «всеобъемлющие международные рамки» противодействия террористическим идеям и пропаганде. Таким образом, был сделан новый шаг на пути согласования национальных подходов государств в части превенции терроризма, создания необходимой политико-правовой основы для укрепления международных усилий на данном направлении [69].

Россия последовательно выступает за дальнейшее развитие такой работы и в октябре 2016 г. предложила проект резолюции СБ ООН по борьбе с террористической идеологией, в котором криминализировалось

подстрекательство к терроризму – то есть любые действия, связанные со сферой публичности, включая распространение, разъяснение и обоснование идей, взглядов, мнений, ведущих к терроризму или террористическим действиям. РФ ратифицировано 13 универсальных международных антитеррористических конвенций и протоколов к ним [10, с. 143–149]. Положения ратифицированных ею конвенций закрепляются в национальном законодательстве во исполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Китай тоже активно участвует в подписании международных договоров и соглашений по борьбе с терроризмом. КНР присоединилась к Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, подписала Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма [54], провела консультации по вопросам антитеррора с рядом государств. Выступая в качестве постоянного члена СБ ООН, Китай поддержал важнейшие резолюции по борьбе с терроризмом [65].

Таким образом, на сегодняшний день существуют три основные группы документов антитеррористической направленности: универсальные договоры о борьбе с определенными террористическими преступлениями, существующие в рамках международных конвенций и протоколов; региональные международные соглашения, отраженные в положениях отдельных конвенций и соглашений; двусторонние международные соглашения.

Этот комплекс правовых документов представляет собой и политико-правовую основу межгосударственного сотрудничества Российской Федерации и КНР, а также конкретизируется в национальном антитеррористическом законодательстве обеих стран. Существующая система международного антитеррористического законодательства направлена на ликвидацию всех проявлений международного терроризма и включает правовые документы, регулирующие деятельность практически во всех сферах современной антитеррористической борьбы [75]. Россия и Китай занимают активную позицию в глобальной борьбе с преступлениями международного терроризма.

Можно сделать вывод, что совокупность международно-правовых средств, закрепленных в нормах международных универсальных и региональных конвенций, иных соглашениях, применяемых для профилактики и пресечения отдельных актов международного терроризма, представляет собой договорно-правовой механизм. Международное взаимодействие является необходимым элементом антитеррористической деятельности – как в разработке единой стратегии противодействия терроризму и ликвидации его причин, так и в обмене разведывательной и другой специализированной информацией, научными разработками, информационными технологиями. Терроризм имеет свою специфику в различных регионах мира, что соответственно диктует необходимость адаптации единых норм и стратегических положений к местным условиям. Одним из приоритетных направлений антитеррористической деятельности является выработка универсальных международно-правовых норм, постоянное совершенствование правовой стратегии противодействия терроризму с учетом меняющихся реалий и его современных особенностей.

В следующем параграфе рассмотрим институциональную систему и основные принципы межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом.

1.2 Система и основные принципы межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом

Проблема терроризма прямо или косвенно затрагивает все, без исключения, страны, что предопределяет их заинтересованность в объединении усилий для совместного поиска наиболее действенных механизмов ее решения. К настоящему времени сформировалась система международного противодействия терроризму, которая включает в себя сотрудничество на глобальном и региональном уровнях, а также на двусторонней и многосторонней основе [46, с. 84]. Институциональную составляющую механизма международно-правовой борьбы с терроризмом образует система международных органов и

организаций, занимающихся изучением всех аспектов данной проблемы, вопросами выработки вышеуказанных конвенций и содействия их эффективной реализации.

На глобальном уровне в данную систему входят ООН и её специализированные организации, прежде всего Международная организация гражданской авиации, Международная морская организация, Международное агентство по атомной энергии. Под их эгидой создана и действует международно-правовая база, включающая в себя целый ряд универсальных соглашений: «Токийская конвенция», «Гаагская конвенция», «Монреальская конвенция», и другие [77].

На региональном уровне вопросы сотрудничества в борьбе с терроризмом рассматриваются в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейского Союза (ЕС), Совета Европы, Организации американских государств (ОАГ), Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) и др. Разработан и действует ряд международных инструментов, регламентирующих сотрудничество на этом уровне: итоговые документы совещаний ОБСЕ в Хельсинки, Мадриде, Вене, Париже; резолюции и решения, принятые органами ЕС; подготовленная ОАГ Конвенция о предупреждении и наказании за совершение актов терроризма, принимающих форму преступлений; Европейская Конвенция о пресечении терроризма; региональная Конвенция СААРК о пресечении терроризма [48, с. 121].

На современной международной арене присутствует большое количество организаций, так или иначе участвующих в борьбе с терроризмом. ООН взаимодействует с Интерполом, Европоллом. На евразийском пространстве действуют региональные организации, включая Антитеррористический центр (АТЦ) СНГ, Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) ШОС, Евразийскую группу по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [2, с. 127].

Международное сотрудничество осуществляется также в рамках создания и обеспечения функционирования специализированных международных организаций. Пожалуй, важнейшей из них является Контртеррористический Комитет (КТК) ООН, созданный в 2001 г. с целью повышения способности государств бороться с терроризмом, но его деятельность не связана с санкциями и он не ведет списка террористических организаций или отдельных террористов.

КТК ООН установил контакты с большим числом международных организаций, обладающих опытом в области борьбы с терроризмом, обменивается с государствами информацией о стандартах и передовом опыте, оказывает им помощь, содействие в ратификации международных конвенций. Данной организации необходимо стремиться к расширению круга участников имеющихся договоров по борьбе с терроризмом и одновременно осуществлять разработку новых соглашений в этой области.

На 51-й сессии в 1996 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Декларацию, дополняющую Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г., и учредила Специальный комитет для решения задач выработки концепции по борьбе с бомбовым терроризмом [44], выполнения конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма [43] и рассмотрения способов совершенствования правовой системы конвенций, касающихся международного терроризма.

В материалах VIII конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.) указывается, что в отдельных областях существующие международные нормы могут быть недостаточны для борьбы со всеми проявлениями терроризма. Особый интерес представляют такие вопросы, как, например, внутригосударственная политика и практика, которые, по мнению других государств, могут расцениваться как нарушение обязательств по международному договору, или отсутствие надлежащего международного сотрудничества в области эффективного и единообразного предупреждения всех форм и проявлений террористического насилия, а также борьбы с ним [11, с. 35].

Большую роль в сфере определения основных направлений борьбы с терроризмом играет «Группа восьми», которая после приостановления в ней в 2014 г. участия России превратилась в «Большую Семерку». Основным документом в данной области является «Декларация саммита «Группы восьми» о борьбе с терроризмом», принятая в 2006 г. в Санкт-Петербурге. В качестве приоритетных выделены такие направления, как совершенствование и обеспечение исполнения международного и национального законодательства по борьбе с терроризмом, предупреждение террористических атак на энергетические и ядерные объекты, активизация усилий по противодействию финансированию терроризма.

Одним из основных субъектов антитеррористической деятельности на данный момент является ИНТЕРПОЛ – Международная организация уголовной полиции, членство в которой имеют 194 государства [25, с. 70]. Интерпол занимается розыском лиц, подозреваемых в совершении международных преступлений, включая незаконную торговлю оружием и международный терроризм, проводит оперативно-розыскные действия, в том числе за пределами территории государства, где было совершено преступление. После задержания преступника производятся переговоры о его экстрадиции государству, на территории которого совершено преступление или гражданином которого он является.

Интерпол осуществляет поддержку стран-членов организации в их противодействии терроризму во всех его формах. Повышение эффективности этого противодействия приобретает особое значение в условиях, когда радикальные группировки имеют возможность внедрять своих агентов в ряды беженцев из стран Ближнего Востока, Центральной Азии и Северной Африки, массовый наплыв которых сейчас фиксируется в Европе. Специально созданный Центр по борьбе с терроризмом Интерпола осуществляет деятельность в целях пресечения вербовки и деятельности боевиков-террористов вне зависимости от страны их происхождения; проводит разведывательную работу в отношении транснациональных террористических сетей; оповещает и предупреждает о

террористах и возможных террористических угрозах. Например, «красные» уведомления предупреждают правоохранные органы стран-членов Интерпола о разыскиваемых лицах с целью экстрадиции; «синие» – о сборе дополнительной информации о лицах, совершивших преступление; «зеленые» – о лицах, совершивших преступление; «желтые» – о лицах, пропавших без вести.

В случае теракта, по просьбе страны-члена Интерпола, эксперты группы по реагированию на инциденты направляются к месту его совершения для помощи в расследовании. Также Интерпол содействует странам при замораживании активов, ограничении передвижений, реализации эмбарго на продажу оружия в отношении стран, организаций или лиц, связанных с «Аль-Каидой» или «Талибаном».

Базы данных Интерпола содержат сведения о более чем 18 000 террористах (включая фотографии, отпечатки пальцев, ДНК), применяются новейшие электронные. В настоящее время Россией объявлено в розыск по каналам Интерпола свыше 1000 террористов, только в 2017 г. МВД РФ совместно с Интерполом обеспечило 66 экстрадиций разыскиваемых за границей преступников, ежегодно порядка 50 лиц, разыскиваемых по линии Интерпола, выдаются в Россию для привлечения к уголовной ответственности. В области защиты информационного пространства пресечено функционирование свыше 2000 террористических и экстремистских ресурсов.

Антитеррористическая деятельность играет центральную роль в работе ОБСЕ по противодействию транснациональным угрозам безопасности. ОБСЕ осуществляет управление границами и принимает меры по обеспечению их безопасности; выступает за функционирование эффективной полиции; содействует применению универсальных соглашений по борьбе с терроризмом и резолюций СБ ООН. При этом Организация руководствуется «Консолидированной концептуальной базой ОБСЕ для борьбы с терроризмом», которая определяет стратегическую направленность будущей деятельности по борьбе с терроризмом.

Работа ОБСЕ ведется также в целях укрепления безопасности проездных документов, противостояния насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму, а также для противодействия использованию Интернета в террористических целях и защиты важных объектов энергетической инфраструктуры. Вместе с другими международными организациями ОБСЕ способствует повышению степени правовой и практической осведомленности стран о состоянии борьбы с терроризмом и проведению антитеррористических учений и тренировок на национальном и региональном уровне.

Для наиболее эффективного решения поставленных задач в ОБСЕ функционирует Департамент по транснациональным угрозам, состоящий из четырех блоков, один из них – Антитеррористическое подразделение. Департамент также имеет дело со сквозными темами, такими как кибербезопасность и безопасность в сфере информационно-коммуникационных технологий.

В ШОС борьба с терроризмом находится в ведении РАТС, функционирующей с 2003 г. [83, с. 42]. Главные функции этого органа заключаются в сборе и анализе информации, международном обмене разведданными, координации усилий, разработке предложений по борьбе с терроризмом, формированию банка данных о лицах и организациях, оказывающих поддержку преступникам, содействию в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий [71].

Легитимность и правомочность данного органа признана во всем мире. РАТС активно сотрудничает с ООН. Так, 19.02.2020 г. в Нью-Йорке в КТУ ООН состоялась встреча Директора Исполкома РАТС ШОС Гиёсова Д.Ф. с заместителем Генерального секретаря ООН, руководителем КТУ ООН Воронковым В.И. В рамках данной встречи подписан Меморандум о взаимопонимании; обсуждены перспективы расширения сотрудничества, в том числе по реализации Глобальной контртеррористической стратегии, обозначен круг вопросов обеспечения международной и региональной безопасности; указано на важность активного участия в консолидации усилий в борьбе с

терроризмом РАТС ШОС, выступающей одним из ключевых факторов обеспечения региональной безопасности.

В феврале 2020 г. делегация РАТС приняла участие в презентации проекта по предотвращению и пресечению незаконного оборота оружия и его поставок террористам, представленного ООН. Первая фаза проекта ориентирована на страны Центральной Азии и включает в себя 17 мероприятий, которые будут реализованы в течение 15 месяцев. Донорами проекта выступают Россия и Саудовская Аравия.

Примером регионального сотрудничества по противодействию терроризму является деятельность АТЦ СНГ. В 2002 г. создано его самостоятельное отделение по Центрально-Азиатскому региону. АТЦ СНГ осуществляет поддержание контактов с международными центрами и организациями, занимающимися вопросами борьбы с международным терроризмом, а также с соответствующими специализированными структурами других государств по согласованию с Председателем Совета руководителей органов безопасности и специальных служб (СОРБ) СНГ. Центр проводит аналитические исследования по актуальным вопросам международной антитеррористической деятельности; формирует специализированный банк данных; участвует в многосторонних антитеррористических учениях; координирует комплексные операции по борьбе с терроризмом; участвует в разработке межгосударственных программ и т. д.

Несмотря на разногласия в подходе разных государств, в мировом сообществе действуют единые принципы сотрудничества в антитеррористической деятельности. Эти принципы закреплены в универсальных, региональных и двусторонних международных соглашениях.

Одним из основных принципов является всеобщее осуждение и признание противоправности терроризма во всех его проявлениях. Данное положение можно увидеть в статье 1 Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма от 09.12.1994 г., где говорится, что государства-члены ООН безоговорочно осуждают преступные и не имеющие оправдания акты, методы и

практику терроризма, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности. Если первая часть данного принципа еще только обретает свое утверждение, то признание противоправности терроризма без каких-либо изъятий практически уже закреплено во всех универсальных соглашениях в этой области. Этот принцип направлен на искоренение политики «двойных стандартов». Закрепляя его в документах и проповедуя в СМИ, нужно стремиться выработать единую политику борьбы с террористами [19].

Следующий принцип – это принцип сотрудничества. Наиболее важным его постулатом является активное содействие ликвидации коренных причин международного терроризма. Так, в преамбуле указанной Декларации отмечается необходимость более тесной координации и сотрудничества между государствами в борьбе с преступлениями, тесно связанными с терроризмом, включая незаконный оборот наркотиков, незаконную торговлю оружием, отмывание денег и контрабанду ядерных и других смертоносных материалов. Кроме того, особое значение в сфере сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом имеют скоординированные усилия государств по ликвидации очагов международной напряженности, религиозных кризисов и конфликтов, являющихся питательной средой для террористических актов и других форм насилия [33, с. 153].

Принцип сотрудничества включает как взаимодействие государств в рамках международных организаций и конференций по разработке международных соглашений и договоренностей в области борьбы с терроризмом, так и принятие практических мер по предотвращению терактов; оказание государствами друг другу уголовно-процессуальной помощи, а также сотрудничество в целях мирного урегулирования споров, касающихся толкования и применения Конвенций в области борьбы с терроризмом. Принцип сотрудничества в борьбе с терроризмом связан с принципом обеспечения неотвратимости наказания для тех, кто совершил преступление. Так, в преамбуле Декларации о мерах по ликвидации

международного терроризма прямо говорится, что лица, ответственные за акты международного терроризма, должны быть привлечены к ответственности.

Вышеупомянутый принцип тесно связан с принципом универсальной юрисдикции. Этот принцип позволяет установить юрисдикцию над преступлением и, как следствие, обеспечить неотвратимость наказания преступника независимо от того, где он находится и где было совершено преступление. Он основан на функционировании механизма «выдать или судить», в рамках которого государство-участник, если оно не преследовало и не судит преступника на своей территории, обязано выдать его другой стороне. Эффективность этого принципа во многом зависит от уровня доверия между государствами, их политической воли и готовности сотрудничать. Следует отметить, что все эти принципы тесно связаны с основополагающими принципами международного права и направлены на поддержание мира и безопасности [25, с. 76].

Нужно подчеркнуть, что только тесное оперативное сотрудничество между ведущими странами мира гарантирует успех в борьбе с терроризмом. Международные террористические организации объединяются и обмениваются опытом гораздо быстрее, чем борющиеся с ними спецслужбы и правоохранные органы государств. Страны должны анализировать законодательство в сфере терроризма, создавать четкую и гибкую общегосударственную структуру органов, ведущих антитеррористическую деятельность. Преступные акты, методы и практика терроризма должны безоговорочно осуждаться, выражаться решимость совместно действовать в целях его искоренения. Необходимо объединение усилий всех межгосударственных и общественных структур, ветвей власти, средств массовой информации. Нужна единая четкая международная стратегия борьбы с терроризмом.

В следующей главе проведем анализ региональных измерений проблемы международного терроризма.

ГЛАВА 2 РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

2.1 Проблемы международного терроризма в Центральной Азии (как региона повышенной опасности): причины, формы

Международные террористические организации всё чаще пытаются участвовать во внутренних конфликтах государств, раздувая их проблемы и играя на людских слабостях. Ряд ключевых событий, происшедших за последние 30 лет в мире, привел к тому, что они обратили пристальное внимание на регион Центральной Азии и сосредоточили усилия на разжигании в нем религиозного экстремизма, этно-национального сепаратизма и расширении сферы влияния радикальных исламистских движений. Как следствие, на сегодняшний день в регионе активно действует организованная преступность, происходит незаконный оборот наркотических средств и оружия, процветает нелегальная миграция.

Поскольку одной из причин возникновения терроризма является политическая нестабильность, именно распад СССР запустил механизм дестабилизации ситуации в Центральной Азии. На это событие наслоились проблемы экономического характера, начался передел границ, борьба за власть, обострились этнические и религиозные противоречия.

Центральная Азия – обширный регион, который включает в себя Афганистан, Монголию, северные области Ирана, Индии и Пакистана, запад Китая, часть азиатской территории России и пять бывших советских республик – Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан и Казахстан.

Нельзя не признать геополитическую привлекательность Центрально-Азиатского региона, расположенного в центральной части Евразии. Он имеет важное значение в современном мире по причине наличия солидных запасов углеводородного сырья, тяжелых металлов, а также удобного расположения транзитных и коммуникационных путей, геоэкономического значения Каспийского моря. Все это превращает данный регион в арену борьбы за интересы участников международных отношений, будь то державы глобального

значения, такие как Россия, Китай и США или регионального, как Пакистан, Индия, Иран.

Регион представляет большой потенциал для всестороннего развития, а главное Центральная Азия – это своеобразный мост между Азией и Европой. Недаром такие организации, как ОДКБ и ШОС придают особое значение вопросам безопасности в данном регионе. Потерять стабильность и безопасность в Центральной Азии, значит потерять важнейший геополитический участок и перспективы его планомерного развития. Захват какой-либо из держав контроля и размещение военных сил в центре Средней Азии ставит под угрозу безопасность сопредельных государств: России, Китая, Индии, государств Ближнего Востока [31, с. 65].

Центрально-Азиатский регион, непосредственно граничащий с Афганистаном, в глобальной политике начал активно «присутствовать» с начала 2000-х гг. и стал рассматриваться преимущественно сквозь призму безопасности. Географическая близость региона к России, Ирану и Китаю, а также к так называемой «оси зла» определила его геополитический и геоэкономический статус в международных отношениях в контексте военной операции в Афганистане и Ираке. Секьюритизация международного терроризма и экстремизма в регионе, начиная с 1999 г., проходила на фоне глобального дискурса о терроризме и угрозах региональной безопасности.

В Центральной Азии в тесном клубке переплелись следующие группы противоречий: цивилизационные, конфессиональные, межэтнические, внутринациональные и территориальные.

В Центральной Азии имеются как внешние, так и внутренние факторы для оформления терроризма. К внешним факторам относится само геополитическое положение региона, географическая близость региона к зонам активной деятельности международных террористических и религиозно-экстремистских организаций; соседство с существующими и потенциальными «горячими точками», образующими так называемую «исламскую дугу» нестабильности:

Кавказ, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Кашмир и, конечно же, Афганистан. К внутренним факторам ряда стран (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан) относится появление в обществе в связи с ухудшением экономической ситуации социально дезадаптированных молодых людей; духовно-идеологический кризис, образующий вакуум идейных установок и мировоззренческой ориентации. Указанные трудности способствуют широкому восприятию в обществе радикальных идей [80, с. 58].

Среди факторов, оказывающих влияние на современные террористические угрозы, остаются продвигаемая ИГ идея по созданию «всемирного халифата», усиливающаяся информационно-пропагандистской деятельностью других международных террористических организаций и религиозно-экстремистских организаций в киберпространстве. Террористические организации для привлечения в свои ряды новых сторонников эффективно используют новейшие медийные технологии, психологическую обработку, опережая в этом государственные службы, противодействующие терроризму. В этой связи, террористические угрозы в информационной сфере представляют серьезную проблему, актуальность которой будет возрастать по мере развития технологий, что требует эффективных мер противодействия.

Объектами устремлений ИГ, «Аль-Каиды» и других радикальных группировок в Центрально-Азиатском регионе являются Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В этих странах фиксируется существенный рост исламизации и радикализации населения. Этому способствует активная вербовка граждан в ряды террористических организаций, в первую очередь для участия в боевых операциях в Сирии, Ираке, Афганистане и других странах.

На протяжении последних лет в Центральной Азии наблюдается тревожное явление: жители региона, участвовавшие в военных действиях на Ближнем Востоке и пополнившие ряды ИГ, возвращаются в родные места, имея опыт обращения с оружием, «промытые мозги» и четкие цели. Разгромленные в Сирии и Ираке исламисты набрались сил в Афганистане и стали готовить экспансию в

Центрально-Азиатский регион и в Россию, вербуя мирных граждан, инициируя конфликты и антиправительственные выступления.

По данным Международного центра изучения радикализации и политического насилия (ICSR), Центральная Азия стала третьим по величине, после Ближнего Востока и Западной Европы, «поставщиком» иностранных бойцов, воевавших на стороне террористических группировок салафитско-джихадистского толка в Сирии и Ираке. Согласно этой информации, выходцы из стран Центральной Азии составляли почти 20% от всех иностранных боевиков [87].

Так, в Сирии воюет «Группа исламского джихада», которая находится под полным контролем коалиции группировок «Хайат Тахрир аш-Шам». В группу входят до 40 этнических узбеков. Граждане Узбекистана прибыли в Сирию через Афганистан. Наиболее боеспособной, хорошо вооруженной и финансируемой узбекской группировкой в Сирии считается «Катибата ат-Тавхид валь-Джихад», насчитывающая до 500 боевиков. По данным специалистов ООН, из Таджикистана к террористам в Сирии и Ираке присоединились 1500 боевиков, из них сейчас живы около 600. На севере Афганистана, в провинции Бадахшан, действуют несколько Центрально-Азиатских групп, связанных с «Аль-Каидой», в том числе около 50 боевиков, связанных с группировкой «Хатиба Имам аль-Бухари», до 100 – с «Исламским движением Узбекистана» и около 50 – с «Исламской группой джихада». Группировка «Джамаат Ансарулла» насчитывает до 30 таджиков. В целом в Афганистане воюют около сотни таджиков. Все эти группировки действуют при содействии «Талибана» преимущественно как инструкторы и специалисты по взрывчатке [8].

В Сирии и Ираке на стороне ИГ по разным оценкам воевали 4000 боевиков из стран Центральной Азии. Многочисленными группами считаются выходцы из Узбекистана и Таджикистана. Известно, что с 2014 г. существует группировка этнических узбеков «Таухид валь-Джихад» внутри ИГ. Периодически они выпускают видеообращения с угрозой светским режимам и призывом остальных присоединиться к ним. Серьезным вызовом для имиджа государств Центральной

Азии помимо географической близости к опасным очагам и известных фактах участия боевиков на стороне террористов стали громкие теракты, совершенные террористами-смертниками – выходцами из региона, преимущественно этническими узбеками [24].

Говоря о данной проблеме, нельзя не упомянуть так называемый «казус Халимова». Гулмурод Халимов – таджикский военный деятель, полковник, бывший командир ОМОН МВД Республики Таджикистан. Когда в 2015 г. Халимов, поднявшийся почти до самых высот карьерной лестницы, внезапно сбежал на территорию ИГ, это вызвало потрясение в мире. До этого он неоднократно проходил тренировочные курсы в России и США, хорошо знал методы ведения антитеррористической борьбы, которые, разумеется, не замедлил донести до своих новых соратников.

Если глубже взглянуть на проблему участия иностранных боевиков в Сирии и Ираке, то становится понятным, что это не просто зона боевых действий для обучения солдат религиозно-экстремистских организаций. Прежде всего, это возможность формировать целые отряды террористов и отрабатывать на практике достаточно длительное время тактику ведения боевых действий [70].

В экспертной среде порой высказываются сомнения в том, что возвращение иностранных джихадистов после военного разгрома ИГ в Сирии и Ираке приобретает массовый характер и несет угрозу. Как отмечает канадский автор работ по социологии религиозных движений Л. Доусон, по большей части выжившие и не попавшие в плен иностранные боевики-джихадисты предпочтут не возвращаться в свои страны, а «останутся в Сирии и Ираке и погибнут, защищая свое дело, или найдут убежище в существующих джихадистских сетях. Как заявлял Абу Мухаммад аль-Аднани (2012–2016 гг. официальный представитель ИГ по работе со СМИ), ИГ реорганизуется, перевооружится и вернется к тому состоянию, в котором успешно существовало ранее – повстанческая группировка, ведущая партизанскую войну [21].

Следует признать, что на сегодняшний день не было зафиксировано сколько-нибудь значительных массовых террористических действий со стороны возвращающихся из Сирии и Ирака иностранных бойцов. Однако в дальнейшем нельзя исключать возможности подобных проявлений.

Как заявил замгенсека ООН, глава контртеррористического управления организации Владимир Воронков, выступая в СБ ООН, на февраль 2020 г. до 27 000 иностранных террористов продолжают находиться в Сирии и Ираке. По его словам, ИГ лишилось своего оплота в Сирии в марте 2019 г. и столкнулось со сменой руководства после гибели халифа ИГ Абу Бакра аль-Багдади в октябре этого же года. Но эта группировка все еще составляет ядро транснациональной террористической угрозы и продолжает попытки восстановить свой потенциал проведения комплексных международных операций. Региональные ячейки ИГ придерживаются стратегии закрепления в зонах конфликтов, используя местные проблемы. «Ожидается, что из-за высокой численности иностранных террористов-боевиков, которые постоянно перемещаются, они продолжают представлять угрозу в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе» [52].

Немаловажным фактором является и непростая социально-экономическая ситуация в странах региона, значительный отток работоспособного населения. Как отмечает А. Грозин (руководитель отдела Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ): «Рост радикальных настроений является следствием падения уровня жизни и сокращения социальных лифтов для большей части населения региона. В условиях кризиса население все больше маргинализируется, сокращаются рабочие места, происходит существенное падение реальных доходов. Соответственно растет социальное напряжение и, как следствие, наблюдается рост числа недовольных, особенно среди молодежи» [74, с. 134].

Для руководства всех пяти республик региона особо значимый и чувствительный характер носит вопрос радикализации ислама: данный процесс в перспективе способен кардинально изменить «политическое лицо» их государств. Радикальный, политизированный ислам власти подозревают в намерении

разрушить светский характер политических систем республик, в том числе путем создания на территории региона теократического государства. Особую тревогу вызывает и такая альтернатива: воспользовавшись тем, что в Центрально-Азиатских государствах нет четко установленных и принимаемых большинством правил преемственности, исламисты могут активизироваться в переходный период, обратив свои призывы свергнуть «коррупцированную и несправедливую власть» на молодежь, лишенную серьезных жизненных перспектив.

Наибольшую опасность для государств Центральной Азии представляют действия экстремистских организаций, прикрывающихся религиозной риторикой, которые под прикрытием исламских лозунгов и вербовки своих сторонников под знаменем социальной борьбы за справедливость ведут скрытую политическую борьбу. Следует отметить, что взятая на вооружение ИГ идеология радикального ислама суннитского толка остается весьма привлекательной для многих мусульман. Панисламизм или джихадизм успешно заполняет образовавшийся вакуум идеологии во многих странах мусульманского мира. Правители стран Центральной Азии не могут предложить своим народам альтернативу в виде сколько-нибудь внятной идеологии или национальной идеи. Главари и вербовщики активно используют этот фактор, а также растущее недовольство населения своими властями, разжигают ненависть к «неверным». Они по-прежнему получают финансовую и другую помощь от своих спонсоров, а также от исламистов других государств.

Действия современного терроризма приобретают перманентный хронический характер и нацеленность на подрыв безопасности в Центральной Азии, на дестабилизацию региональной и международной обстановки в долгосрочном плане. Свидетельством этому служат акции террористов последних лет: события, связанные с гражданской войной в Таджикистане в 1992–1997 гг., вторжением в 1999–2000 гг. формирований боевиков ИДУ на территории Кыргызстана и Узбекистана, андижанскими событиями в Узбекистане в мае 2005 г., революциями в Кыргызстане (в 2005 и 2010 гг.). Все это представляет собой

звенья одной цепи, ведь международный терроризм посягает на конституционные, демократические устои стран региона. Сложившаяся ситуация в Центральной Азии требует комплексного решения.

Всё это делает террористические угрозы в регионе долговременными. На страны Центральной Азии оказывает большое влияние ситуация на Кавказе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в Афганистане, на Ближнем Востоке. Среди незаконных террористических формирований сложилось общее взаимодействие боевиков из этих регионов, которые связаны друг с другом. Особую озабоченность вызывает тот факт, что члены террористических организаций не оставляют попыток проникновения с севера Афганистана на территорию региона с целью дальнейшей дестабилизации обстановки [70].

Если говорить конкретно о Центральной Азии, то деятельность террористических, сепаратистских и экстремистских организаций в каждой стране региона имеет свои особенности. К наиболее крупным из действующих в регионе террористических организаций можно отнести следующие: «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ); «Хизб ут-Тахрир», или Партия исламского освобождения, действующая практически на всей территории Центральной Азии; Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), целью которого является создание на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а также прилегающих к нему районов Казахстана и Кыргызстана независимого государства Уйгуристан или Восточный Туркестан.

Кроме того, в регионе действуют и более мелкие сепаратистские и экстремистские организации, такие как Центр исламского развития (на юге Кыргызстана); «Акромиды» – религиозное исламское течение Узбекистана (действует в Ферганской долине); группировка «Жамаат» (структурно входящая в состав «Аль-Каиды»); ИДУ.

Деятельность уйгурских сепаратистских организаций также может являться источником дестабилизации обстановки в регионе и возникновения вооруженного конфликта с вовлечением в него Китая. По официальной статистике, численность

населения Синьцзян-Уйгурского автономного района превышает 15 млн. человек, из них 60% – тюрко-язычные народы, исповедующие ислам. Самая активная организация, объединяющая уйгурских сепаратистов, – ИДВТ. В ее структуру входят органы управления, разведки, контрразведки, пропаганды и материально-технического обеспечения. Организация располагает мобильными бандформированиями, прошедшими в свое время подготовку в лагерях исламистов в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. Лидеры ИДВТ делают ставку на многочисленные диаспоры уйгур в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. Они оказывают финансовую поддержку китайским уйгурским сепаратистам и создают там самостоятельные организации, например «Уйгар озатшик ташлахты», которые имеют тесные связи с ИДВТ [72].

По степени активности террористических организаций на первое место среди других стран Центральной Азии вышел Узбекистан. Здесь наиболее активны в проведении терактов ИДУ и «Исламский джихад». Так, несмотря на то, что Узбекистан и Кыргызстан нанесли значительный удар по силам ИДУ, когда его основные группы были вытеснены из региона, она все еще сохраняет присутствие в виде подпольных групп, которые могут стать активными в любое время, объединяя силы с радикальной таджикской оппозицией и уйгурскими сепаратистами. Эта организация стремится к отделению Ферганской долины от Узбекистана, Киргизии и Таджикистана и созданию на территории Центральной Азии исламского государства «ФАНУ» (аббревиатура происходит из названий регионов – Фергана, Андижан, Наманган, ОШ), с ядром в Ферганской долине, которое должно стать частью Всемирного Исламского Халифата [73, с. 92].

В августе 2015 г. ИДУ примкнуло к ИГ. Эта организация обретает все большее влияние в регионе и к ней постоянно присоединяются более мелкие формирования из Центрально-Азиатских стран. Угроза настолько сильна, что 01.10.2015 г. пограничные войска Таджикистана на границе с Афганистаном были приведены в полную боевую готовность в связи с взятием штурмом г. Кундуз боевиками-талибами, состоящими в ИДУ [30].

Усилилась работа агентов международных террористических организаций и в Казахстане. Они проводят вербовку и обучение боевиков. Наибольшую активность в Казахстане проявляет «Хизб ут-Тахрир», действующая в южных регионах, где высок уровень распространения ислама. По оценкам спецслужб Казахстана, если прежде в ряды «Хизб ут-Тахрир» привлекались, в основном, лица с низким достатком, то в последнее время эмиссары организации пытаются внедрить своих людей во властные структуры. На территории страны работают базы, на которых готовятся диверсии против соседних стран. Граждане Казахстана были замешаны в терактах в Узбекистане и Киргизии. В Казахстане заметна тенденция к криминализации деятельности радикальных исламистов и радикализации обычных бандитов.

В последнее время члены организации «Хизб ут-Тахрир» проявляют заметную активность в Таджикистане. Некоторые активисты этой организации воевали на стороне движения «Талибан» в Афганистане. Таджикские спецслужбы подтверждают их связь с ИДУ. В Таджикистане вообще сейчас собрался очень сложный конгломерат террористических группировок. Это и беженцы из Центральной Азии, и уйгуры из Китая, и бывшие жители Северного Кавказа, что создает напряженную ситуацию в плане угрозы религиозного экстремизма и терроризма. Афгано-таджикская граница практически не охраняется. По оценкам экспертов, свыше 80% интернет-аудитории Таджикистана сталкивается с экстремистским контентом в сети [57]. Со стороны ряда СМИ власти Таджикистана подвергаются критике за жесткие ограничения религиозных свобод граждан. В частности, с 2015 г. в стране запрещена Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), считавшаяся единственной в Центральной Азии легально зарегистрированной исламистской политической партией. При этом власти Таджикистана указывают на связь внутренней оппозиции с ИГ.

В Кыргызстане отмечается активизация деятельности «Хизб ут-Тахрир». Она находит поддержку, главным образом, на юге республики среди этнических узбеков, где активную агитационную работу развернули ваххабитские

проповедники из Саудовской Аравии, Ирана и других мусульманских государств. При этом экстремисты играют не только на религиозных, но и на национальных чувствах. Любая провокация способна взорвать здесь обстановку, что может дестабилизировать ситуацию непосредственно на юге Кыргызстана и далее по всей Ферганской долине. Не прекращаются попытки со стороны международных террористических организаций сформировать на территории Кыргызстана «спящие» джамааты (объединенные группы радикальных мусульман). Одна из причин состоит в слабости правоохранительных структур Кыргызстана. По данным КТК ООН, излишки оружия, поступающие из зон политической нестабильности, распространяются по стране в рамках торговли по принципу «оружие за наркотики». Ситуация усугубляется недостаточной защищённостью границ. По мнению киргизского вице-премьера Жениша Разакова растёт террористическая угроза Киргизской Республике, исходящая из Афганистана [51]. Для южной части Кыргызстана традиционная угроза состоит в деятельности экстремистских групп из соседних Таджикистана и Узбекистана.

Закрытость Туркменистана создает трудности для анализа данных о террористических организациях на территории страны. По мнению ряда исследователей, ограничения свобод в Туркменистане могут способствовать радикализации части населения. По оценкам ICSR численность туркменов, воевавших на стороне джихадистов в Сирии и Ираке, на начало 2015 г. составляла 360 человек [87].

Отдельного упоминания заслуживают выходцы из Центральной Азии, которые совершали теракты в других странах – и зачастую «во имя» или «от лица» террористических группировок вроде ИГ. События последних лет, которые имели место в ряде стран, свидетельствуют об укреплении тенденции проведения терактов на объектах особой важности и в местах массового скопления людей. Так, выходцы из Киргизии и Узбекистана участвовали в теракте в аэропорту Стамбула в 2016 г. В декабре 2018 г. в Швеции нескольких выходцев из Узбекистана и Киргизии обвинили в терроризме и связях с ИГ. По меньшей мере

один из них поддерживал контакты с гражданином Узбекистана Рахматом Акиловым, который 07.04.2017 г. совершил теракт, направив угнанный им грузовик в толпу людей на центральной торговой улице Стокгольма [75]. Тем самым террористы рассчитывают дестабилизировать обстановку в обществе, породить у населения недоверие к способности законных властей обеспечить его безопасность, не говоря уже о социально-экономическом развитии государства. Нужно понимать, что сегодня никто не находится в безопасности и силы боевиков могут быть направлены из региона для борьбы в любой точке земного шара.

Одной из актуальных и острых проблем является ликвидация источников финансирования терроризма, где особого внимания требует борьба с незаконным оборотом наркотиков. Усиление позиций ИГ на востоке региона особенно опасно тем, что здесь проходит почти половина всего афганского наркотрафика. Ранее доходы от наркобизнеса в данном районе пополняли казну талибов, теперь доступ к наркоторговле получили джихадисты-игиловцы. Параллельно с захватом наркобизнеса боевики пытаются установить контроль за добычей полезных ископаемых в регионе, а также за международными транзитными перевозками.

В последние годы достаточно четко определилась иерархия вызовов безопасности в Центральной Азии. Их можно условно разделить на две группы. В первую входят те угрозы, которые имеют не столько внутрорегиональную, сколько внешнюю природу. К ним относятся наркотрафик, контрабанда оружия, экспорт криминала, деятельность экстремистских групп, использующих террористические методы. Вторая внутренняя (социально-политическая) группа причин: тяжелые условия жизни, низкая оплата труда и недовольство правительством способны вызвать нестабильность, создает возможности для мобилизации населения различного рода радикальными группировками.

Следует констатировать, что в Центрально-Азиатском стратегическом направлении сохраняется тенденция к ухудшению террористической обстановки, которая в последующем способна достичь кризисного значения. Центральной

Азии и в дальнейшем придется сталкиваться с такими угрозами, как экстремизм, исламский фундаментализм и терроризм.

Таким образом, рассматривая проблемы распространения терроризма в Центрально-Азиатском регионе необходимо отметить ряд причин террористической активности: религиозные (общая пропаганда радикального ислама); социальные (слабая система образования, коррумпированность органов власти, мощное давление архаичных институтов); экономические (низкий уровень доходов населения при возрастающих ценах, отсутствие рабочих мест, малые зарплаты, слабое развитие собственного производства и рынков сбыта); политические (неэффективность управленческих структур, отсутствие политической активности на местах, невозможность общества выражать свое мнение, влиять на действия власти и контролировать ее). В результате, население легко поддается под влияние экстремистов, которые предлагают простые и быстрые рецепты обогащения и установления социальной справедливости.

Россия не может отмахнуться от этой проблемы. Не надо забывать, что концентрация террористов в странах Центральной Азии грозит их массовым проникновением в Россию из-за ее чересчур мягкой миграционной политики в отношении жителей этого региона. Граждане Кыргызстана и Казахстана имеют право пересекать российскую границу, имея при себе внутренний паспорт, а гражданам Таджикистана и Узбекистана для этого необходим только заграничный паспорт. Визовый режим с Центрально-Азиатскими республиками в РФ отсутствует, что позволяет проникать через эти территории террористам под видом трудовых мигрантов, студентов и туристов [54].

Следует отметить, что Китай не меньше России заинтересован в распространении своего влияния в Центральной Азии, чтобы обезопасить «тылы» и обеспечить тем самым безопасность и развитие Синьцзяна и других западных провинций.

В следующем параграфе рассмотрим, какие меры предпринимают страны Центрально-Азиатского региона в борьбе с терроризмом.

2.2 Политика стран Центрально-Азиатского региона в борьбе с терроризмом

При всем многообразии форм террористической деятельности в XXI в. усилия по борьбе с террором прежде всего должны быть направлены на противодействие идеологическим и организационным аспектам терроризма. «Основой политико-экономического подхода к контролю терроризма является положение, что терроризм является крайней формой политической борьбы, подводит под преступные действия идеологическое обоснование и, таким образом, является неотъемлемой частью социально-политической жизни – это дает возможность воздействия на него наравне с другими мерами контроля», отмечает полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе В. В. Устинов [77].

Распространению радикальных религиозных идей и вовлечению граждан в террористическую деятельность может серьезно воспрепятствовать заполнение духовного и идеологического вакуума в обществе. Вместе с тем, по мнению исследователей, препятствием в преодолении экстремизма и терроризма в контексте обеспечения национальной безопасности в странах Центральной Азии являются имеющиеся проблемы построения национальной идеологии. В стремлении всеми силами сохранить страну и ее суверенитет власти региона упустили, что за лозунгами и идеями стоят реальные интересы граждан.

Однако нельзя отрицать, что тема борьбы с терроризмом в ряде случаев используется национальными правительствами, особенно в Узбекистане, для оправдания репрессий против оппозиции. В настоящее время в странах Центральной Азии наблюдается ситуация, при которой правящие партии позиционируют себя единственным гарантом обеспечения демократических ценностей, поэтому все не подконтрольные властям религиозные объединения рассматриваются в качестве политической фундаменталистской оппозиции. Опасаясь за свою власть, национальные лидеры республик Центральной Азии воспринимают любое оппозиционное движение как угрозу стабильности и поэтому стараются его подавить, прикрываясь борьбой с терроризмом.

Однако следует понимать, что разного рода религиозные запреты автоматически приводят к еще большему распространению протестных и оппозиционных исламистских движений.

Ситуация в Центральной Азии в последние годы характеризуется растущими рисками и явно выраженной турбулентностью, но пока говорить о том, что реализуется какой-либо из прогнозируемых экспертами катастрофических сценариев, нельзя. Это дает государствам региона и всему международному сообществу определенное время для быстрого реагирования на растущие вызовы и угрозы безопасности и нанесения упреждающего удара [58].

Складывающаяся неблагоприятная ситуация вызывает необходимость пересмотра сложившихся представлений об организации системы мер по обеспечению безопасности общества и государства. Понятно, что усилий одной страны, даже самых масштабных, недостаточно для борьбы с такими трансграничными явлениями как терроризм и экстремизм. Поэтому требуется применение комплекса мер как на региональном, так и на международном уровне.

С учетом всего этого международные организации, обеспечивающие безопасность региона, например ШОС, должны быть способны противостоять угрозам международного терроризма как силами правопорядка, так и силами заблаговременно подготовленных воинских формирований. А это создает проблемы не только политического и военно-организационного характера, но и юридического, стратегического и экономического порядка, решение которых требует немалых усилий и времени.

Для стран Центрально-Азиатского региона приоритетное значение в обеспечении национальной безопасности приобретает в первую очередь внешнеполитическая деятельность. Это означает, что доминирующую роль играют не столько военные, сколько политические средства с опорой, прежде всего, на безопасность и разумную, взвешенную дипломатию.

Задача формирования новой системы взаимодействия в противодействии экстремизму и терроризму встала перед бывшими союзными республиками

региона сразу после распада СССР. Поэтому уже в мае 1992 г. в Ташкенте Россией и пятью государствами постсоветского пространства (Арменией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном) был подписан Договор о коллективной безопасности. В мае 2002 г. была учреждена Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), объединившая Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан. ОДКБ осуществляет свою деятельность в сотрудничестве с различными международными и региональными организациями [72]. Поддерживаются конструктивные связи с ООН, взаимодействие с ОБСЕ в виде конкретных форм сотрудничества с Антитеррористическим подразделением и Центром по предотвращению конфликтов. Проводятся консультации экспертов совместно с Евросоюзом в целях расширения сотрудничества по ряду направлений. ОДКБ уделяет особое внимание работе с СНГ, ШОС, Евразийским экономическим сообществом. Представители Организации приняли участие в заседании руководителей структурных подразделений международного военного сотрудничества оборонных ведомств государств, входящих в СНГ и ШОС, состоявшемся в Москве в феврале 2020 г.

В формате ОДКБ осуществляется военное сотрудничество. В 2001 г. были сформированы Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона. В 2009 г. созданы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), предназначенные для оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности государств-членов ОДКБ. В 2007 г. принято решение о создании миротворческих сил, в 2014 г. – Коллективных авиационных сил ОДКБ. Регулярно проводятся совместные комплексные антитеррористические учения с участием контингентов и оперативных групп. С 2006 г. работает Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ. В сентябре 2019 г. состоялось очередное 17 заседание комиссии. В 2007 г. создан Координационный совет по чрезвычайным ситуациям. В октябре 2019 г. проведено очередное 12 заседание совета [36].

В 2014 г. был образован консультационный Координационный центр по вопросам реагирования на компьютерные инциденты. Его очередное заседание состоялось в июне 2019 г. В целях борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий с 2009 г. осуществляется операция «ПРОКСИ». В 2018 г. в результате этой операции было выявлено 345207 информационных ресурсов, направленных на разжигание национальной и религиозной розни, распространяющих идеи террористической и экстремистской направленности в интересах преступных групп. Приостановлена деятельность 54251 ресурса и возбуждено 720 уголовных дел [35].

В марте 2020 г. ОДКБ провело совещание представителей национальных штабов государств-членов Организации для обсуждения «ПРОКСИ», в ходе которого 2020 г. обозначен как год консолидации усилий в борьбе против современных вызовов и угроз. Ситуация такова, что количество и «сложность» кибератак увеличивается, также как и численность тех, кто вовлечен в эти атаки – криминал, террористы. Борьба с угрозами в цифровом пространстве должна стать приоритетной, чтобы совместные действия в рамках операции «ПРОКСИ» по противодействию использованию информационных технологий в преступных целях содействовали укреплению коллективной безопасности.

Борьба с кибертерроризмом идет на фоне противодействия «традиционным» угрозам. Так, во время операции ОДКБ «Нелегал-2019» возбуждено 2200 уголовных дел за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 238 уголовных дел за незаконный оборот оружия, 179 дел за попытки незаконного пересечения государственной границы и 51 дело по преступлениям экстремистской направленности и террористического характера [17].

Отдельное внимание в последние месяцы было уделено укреплению боевого потенциала объединенной российской авиационной базы Кант, находящейся в Кыргызстане, поскольку она обеспечивает прикрытие позиций ОДКБ на Центрально-Азиатском направлении. В феврале 2020 г. на горном авиационном полигоне Эдельвейс в Кыргызстане проведены учения для личного состава

объединенной российской авиационной базы Кант. В ходе маневров пилоты штурмовиков Су-25СМ («Грач») уничтожили объекты условного противника.

Очередная серия консультаций по вопросу совершенствования совместной подготовки органов управления и формирований сил и средств системы коллективной безопасности состоялась в марте 2020 г. в Объединенном штабе ОДКБ. По итогам данной встречи было решено включить в состав участников командно-штабных учений «Нерушимое братство-2020» представителей Сербии, а специалистов из Узбекистана пригласить на совместное учение «Рубеж-2020» в качестве наблюдателей [13].

В марте 2020 г. на заседании штаба в Центре кризисного реагирования ОДКБ определено, что главной целью операции «Нелегал-2020» станет работа по пресечению преступной деятельности сообществ, занимающихся установлением каналов незаконной миграции в интересах террористических и экстремистских организаций. Данная операция включает в себя меры по усилению охраны государственных границ и контролю за пограничным режимом. Осуществляется комплекс оперативно-розыскных мероприятий по выявлению среди иностранных граждан лиц, причастных к террористической деятельности, а также по пресечению преступной деятельности организаторов каналов незаконной миграции. В первую очередь речь идет о тех структурах, которые доставляют боевиков в зоны вооруженных конфликтов, а затем обеспечивают их возвращение на родину. Для повышения результативности действий география приглашенных участников учений должна быть расширена в ближайшие годы [5].

Совет коллективной безопасности ОДКБ на последней сессии в ноябре 2019 г. принял Заявление о сотрудничестве для укрепления международной и региональной безопасности, утвердил план реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН 2019 г. и подвел итоги совместных учений. Всего в 2019 г. проведено 5 крупных учений: «Взаимодействие-2019» с коллективными силами оперативного реагирования на территории России, «Нерушимое братство-2019» с миротворческими силами в Таджикистане, учение

с разведподразделениями «Поиск-2019» и антинаркотическое учение спецподразделений «Гром-2019» в Кыргызстане.

Также было впервые проведено учение «Эшелон-2019» в РФ для обеспечения коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ. Для его реализации была разработана стратегическая задача, предусматривающая применение войск в Центрально-Азиатском регионе. В результате достигнута слаженность действий вооруженных сил государств и повышена их боевая готовность.

Подведены итоги проведенной впервые в 2019 г. операции под условным наименованием «Наемник» – это комплекс оперативно-профилактических мероприятий по перекрытию каналов вербовки, въезда (выезда) граждан для участия в террористической деятельности и нейтрализации их ресурсной базы. По результатам операции отработано взаимодействие специальных и правоохранительных органов ОДКБ по ряду таких направлений, как противодействие вербовочной деятельности с использованием информационных технологий; выявление и пресечение случаев пропаганды экстремистской идеологии; выявление и перекрытие каналов финансирования террористической деятельности. По результатам мероприятий, проводимых в рамках операции постоянного действия «Канал», в 2019 г. изъято более 29 тонн наркотиков, а также 546 единиц огнестрельного оружия и свыше 8000 боеприпасов [69].

Министрами обороны и секретарями советов безопасности государств ОДКБ подписан План боевой подготовки органов управления и формирований сил и средств на 2020 г., принят ряд решений по вопросам, относящимся к сфере противодействия вызовам и угрозам безопасности. Выполняются задачи по формированию общего антитеррористического пространства [4].

Как можно заметить, входящие в Центрально-Азиатский регион Республики Узбекистан и Туркменистан не являются членами ОДКБ. Это, разумеется, не означает, что данные государства не заинтересованы в устранении террористической угрозы. Несмотря на то, что с 2012 г. приостановлено членство Республики Узбекистан в ОДКБ по ее инициативе, в стране в последние годы

наметилась положительная динамика взаимодействия с другими членами организации [14]. Так, в 2016 г. подписан Договор о военно-техническом сотрудничестве Узбекистана с Россией в сфере военного сотрудничества, его реализация проявилась в том числе в участии подразделений Вооруженных Сил Республики в многосторонних стратегических учениях «Центр-2019». В феврале 2019 г. ратифицирован договор о совместном использовании воздушного пространства военной авиацией. Политологи сходятся во мнении, что, несмотря на явный интерес Узбекистана к военно-техническому и антитеррористическому сотрудничеству с ОДКБ, и прежде всего с Россией, республика не будет в ближайшее время стремиться возобновить свое членство в данной Организации. Вне ОДКБ в статусе независимого партнера Узбекистану легче договариваться с афганским правительством, провинциальными властями и отдельными политиками, контролировать транспортные коридоры в Афганистане и сбывать там свои товары. Кроме того, Узбекистан имеет выгодную приграничную оборонительную позицию и техническое превосходство над единственными вероятными противниками: талибами или любыми другими группировками боевиков [55, с. 29].

Сложнее ситуация обстоит с Туркменистаном. Эта страна провозгласила в качестве основы своей внешней политики нейтралитет, никогда не была членом ОДКБ или других организаций и не планирует туда вступать. Власти Туркменистана, используя свой нейтральный статус во внешней политике, стремятся наиболее эффективно лавировать между любыми внешнеполитическими партнерами, будь то вооружённые группировки в Афганистане, или страны-участницы ОДКБ. При этом они преследуют конкретную экономическую цель – реализовать проект поддерживаемого США туркмено-южноазиатского газопровода ТАРІ. Власти Туркменистана полагаются на Запад, способный, по их мнению, воздействовать на афганских боевиков, чтобы те не срывали сроки строительства упомянутого газопровода. С 2016 г. Туркменистан проводит новую военную доктрину, суть которой носит сугубо

оборонительный характер, заключается в отказе от участия в военно-политических блоках, укреплении и модернизации материально-технической базы национальных Вооруженных Сил всех родов войск [13].

Однако вызывает сомнения правильность такой политической и стратегической позиции. Несмотря на то, что в 2019 г. Туркменистан признан самой безопасной страной в рейтинге террористических угроз, в будущем он может остаться один на один с проблемой терроризма [6]. Многие специалисты считают данную Республику к настоящему времени самым слабым военно-политическим звеном региона. Афганские группировки всех этнополитических оттенков с 2018 г. всё чаще нарушают южную границу страны, хотя прямого вторжения пока не было. В июне 2018 г. была совершена атака на туркменские погранзаставы в районе Тагтабазара, убито восемь пограничников.

В марте 2019 г. боевики «Талибан» серьезно продвинулись к границе с Туркменистаном, разгромив афганские правительственные войска и полицию (убито более сотни человек). Спасаясь от террористов, граждане Афганистана, в том числе около 50 афганских пограничников, перешли границу и попали на территорию Туркменистана. Таким образом, у границ Туркменистана и соседних стран Центральной Азии формируется долговременный очаг нестабильности. Возможно также, что по причине избегания провоцирования массированного вторжения боевиков и ухудшения политической обстановки туркменская сторона пока воздерживается от взаимодействия с ОДКБ [13].

К тому же существуют и другие формы взаимодействия стран региона в борьбе с терроризмом. В Ашхабаде в ноябре 2011 г. были одобрены заключительная декларация и совместный план действий по выполнению Глобальной контртеррористической стратегии ООН. На протяжении последних лет осуществлены проекты по реализации мероприятий, предусмотренных этим планом. Завершающим мероприятием стала встреча между странами Центральной Азии и ООН в июне 2017 г. Основной целью встречи стало обсуждение задач по укреплению стабильности и безопасности, путей их решения [15]. По итогам

встречи принята Совместная Декларация об укреплении регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом [3]. Министры иностранных дел всех 5 государств Центрально-Азиатского региона встретились в 2016 г. на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где особое внимание было уделено вопросам безопасности. Было подчеркнуто единство во взглядах, и полная решимость совместно противостоять терроризму и религиозному экстремизму в регионе. В середине ноября 2019 г. в Ашхабаде состоялись консультации на тему взаимодействия стран СНГ в области борьбы с терроризмом. Представители России, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Армении обсудили возможности расширения коллективной деятельности по борьбе с терроризмом в рамках международных организаций.

Исследования указывают, что интегрированная долгосрочная стратегия является эффективным способом борьбы с географически рассеянным и децентрализованным международным терроризмом. В число участников данной стратегии входят как международные организации, так и региональные организации, правительства региона, местные власти, лидеры местных сообществ. Упомянутые выше правительства принимали участие в различных многосторонних инициативах по борьбе с терроризмом. Однако эти инициативы не учитывали привлечение местных сообществ и религиозных лидеров, которые находятся непосредственно на местах. Мобилизация всех соответствующих сторон является ключевым фактором успешной борьбы с террористическими группами, занимающиеся вербовкой людей из многочисленных регионов и получающие прибыль при помощи трансграничной торговли наркотиками.

Существует два основных международных инструмента, через которые региональные правительства могут содействовать мерам, направленным на устранение угроз для Центральной Азии. Первым является совместный план действий Центрально-Азиатских государств, реализация которого тормозится из-за медленных темпов развития государств региона и «перетягивания ими одеяла на себя», что мешает координации участников и политиков на национальных и

межрегиональных уровнях. Другой – это Стамбульский процесс (региональный диалог начатый в ноябре 2011 г. с целью расширения практической координации между Афганистаном и его соседями и региональными партнерами), который является повесткой дня регионального сотрудничества в вопросах безопасности и развития.

Однако надо понимать, что международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму имеет свои ограничения. Для противостояния современным террористическим угрозам правительствам Центральной Азии прежде всего необходимо пересмотреть свою национальную стратегию противодействия терроризму. Остановимся подробнее на том, что делает каждая из стран региона в этом направлении.

В Казахстане в связи с рядом событий (вооруженные столкновения в 2011 г. в Жанаозене, совершение теракта в 2016 г. группой религиозных радикалов в Актобе, теракт в Алматы 2016 г. и т.д.) не снижается потенциал террористической угрозы. За последние 7 лет в стране совершено 9 терактов. С 2003 г. в стране действует Антитеррористический центр для более эффективной работы всех силовых структур. За совершение террористических преступлений преступнику может грозить смертная казнь. Для минимизации воздействия экстремистов на общественное сознание предпринят ряд мер по усилению работы, направленной на повышение религиозного образования и духовного развития общества. Создано специализированное ведомство – Агентство по делам религий. В этих же целях осуществляется мониторинг более десяти тысяч Интернет-порталов, в результате чего прекращено распространение на территории страны продукции более 51 иностранного сайта по пропаганде экстремизма и терроризма.

Экспертами отмечается потенциальная возможность объединения казахстанского подполья с уйгурскими сепаратистами. Поэтому власти ужесточают борьбу с террористами. В последние годы в стране прошли многочисленные аресты экстремистов, в том числе связанных с криминальными кругами и схемами (в частности, с кражей нефти в Западном Казахстане) [18]. В

соответствии с законом «О борьбе с терроризмом» упреждение внешних угроз на раннем этапе является приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов Казахстана. В 2019 г. на ранней стадии подготовки пресечены три попытки совершения террористических актов. Также нейтрализована преступная деятельность 7 радикальных групп и отдельных лиц в различных регионах страны. Всего за преступления, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом, осуждены 140 человек.

В 2018 г. Комитет национальной безопасности Казахстана разработал государственную программу по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Казахстане на 2018–2022 гг., включающую в себя усиление пограничного контроля, пресечение каналов проникновения экстремистов и террористов на территорию Республики либо ввоза запрещенных материалов. Также запланировано обучение сотрудников правоохранительных органов и улучшение материально-технического оснащения и инфраструктуры полиции. Предпринимаемые Казахстаном меры, а также проводимая руководством страны политика толерантного отношения ко всем конфессиям и национальностям в целом способствуют сохранению в стране безопасности [60].

Туркменистан, как на национальном, так и на международном уровне, старается предпринимать все необходимые меры и действия для борьбы с угрозами миру и безопасности, в том числе и против террористических и радикалистских проявлений. В законе Туркменистана «О противодействии терроризму» определены правовые и организационные основы противодействия терроризму [27]. В 2018 г. создана Служба финансового мониторинга с целью противодействия финансированию терроризма и легализации доходов, полученных преступным путем [28].

Ранее, в 2017 г., во время визита президента России в Туркменистан стороны договорились предпринимать совместные усилия против терроризма и незаконного оборота наркотиков, обменялись мнениями о превентивных мерах по противодействию экстремизму, радикализации населения и финансированию

терроризма, отметив при этом необходимость привлечения гражданского общества и СМИ для повышения эффективности мер. Также были рассмотрены возможности проведения специальных тренингов, включая использование современных технологий для своевременного реагирования на потенциальные угрозы [62]. В декабре 2019 г. в Туркменистане утверждена национальная Стратегия по предотвращению насильственного экстремизма и противодействию терроризму на 2020–2024 гг.

В последнее время в Кыргызстане проявилась новая тенденция, когда джихадистские группы, вытесняемые из этой страны, оказывают влияние на салафитские джамааты. В 2016 г. произошел взрыв у ворот китайского посольства в Бишкеке, совершенный террористом-смертником. Эти события заставили власти Киргизии существенно активизировать борьбу с религиозным экстремизмом и влиянием различного рода салафитских течений [18]. Согласно данным ООН, за последние восемь лет число осужденных за терроризм и религиозный экстремизм в Кыргызстане возросло в 5,3 раза: с 79 человек в 2010 г. до 422 человек в 2017 г. [12]. По информации МВД Кыргызстана, только в январе–апреле 2018 г. к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера в республике привлекли 4 470 человек [62]. В июне 2019 г. в преддверии саммита ШОС в Бишкеке задержали группу террористов из «Союза исламского джихада», переброшенных из Сирии, планировавших теракты в преддверии проведения важных международных мероприятий.

Кыргызстан активно участвует в антитеррористических учениях. Так, в 2018 г. прошли международные учения «Иссык-Куль–Антитеррор», в которых приняли участие вооружённые силы России, Киргизии, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. В 2019 г. на юге Киргизии прошли совместные тактические учения «Сары-Таш–2019» в виде специальной операции по нейтрализации террористических групп, вторгшихся из-за рубежа. По их результатам было принято решение в будущем при проведении совместных антитеррористических учений сделать акценты на тех узловых проблемах,

которые представляют реальную угрозу безопасности не только Киргизской Республики, но и Центрально-Азиатского региона в целом.

Узбекистан традиционно проводит чрезвычайно жесткую политику в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, поскольку именно здесь находятся самые сильные и агрессивные в регионе экстремистские структуры (особенно ИДУ). В связи с этим, правительством приняты поправки в Уголовный кодекс и антитеррористическое законодательство, ужесточающие наказание за пособничество и подстрекательство к терроризму. Ответственность грозит также тем, кто финансирует террористов, вербовщикам экстремистских организаций и гражданам, которые пытаются отправиться за границу, чтобы присоединиться к экстремистским и террористическим группировкам. Принят закон о лишении экстремистских вербовщиков и террористов гражданства, запрещено распространение экстремистской символики. Узбекистаном и Таджикистаном реализован план комплексных мероприятий на 2018–2019 гг. по противодействию деятельности террористических структур в Интернете под условным названием «Чистая сеть» [62]. В мае 2019 г. Узбекистаном и Китаем проведены антитеррористические учения «Сотрудничество 2019» на полигоне «Фориш».

Правительство Таджикистана в последние годы также усилило борьбу с экстремистскими группировками. Проведена крупная операция по уничтожению боевиков в Раштской долине, спецоперация по обезвреживанию группировки Толиба Айёмбекова, причастной к убийству представителей органов власти, задержаны террористы, готовящие диверсионные акты на севере страны. Все преступники были членами группировки ИДУ и планировали взорвать ряд стратегически важных объектов в Таджикистане [32].

С 2014 г. в стране проводится жесткая компания по борьбе с «религиозным экстремизмом». В частности, закрываются мечети, где проповеди были сочтены излишне радикальными, предпринимаются меры по обеспечению антирелигиозного «дресс-кода», блокируется интернет и мобильная связь в

интересах нацбезопасности. Необходимо отметить, что в Таджикистане, как и в других странах, при вербовке в ИГ основной упор делается на Интернет [18].

В мае 2018 г. во время встречи президенты Таджикистана и Беларуси выразили решимость укреплять сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком, незаконной торговлей оружием. В 2019 г. внесены поправки в Закон «О военной разведке Вооруженных сил», которые предполагают изменения в организации разведывательных мероприятий для противостояния терроризму и экстремизму внутри страны. В октябре 2019 г. в стране прошли совместные учения «Нерушимое братство-2019», одной из составляющих которых была борьба с терроризмом. В январе 2020 г. военнослужащие 201-й российской военной базы провели в военных городках Таджикистана учения по противодействию терроризму.

В заключение хочется отметить, что быстроизменяющаяся обстановка в мире и регионе, усиление угроз терроризма и экстремизма требуют совершенствования правовой базы антитеррористического законодательства и его применения. Необходимо расширение полномочий военной разведки и вооруженных сил в сфере борьбы против современных проявлений терроризма, избегая при этом авторитаризма и перегибов властных структур. Нужно стремиться к устранению бюрократического межведомственного и межнационального соперничества, продолжать работу по формированию Единого списка организаций, признаваемых террористическими на территории всех государств, чтобы добиться более действенного регионального антитеррористического сотрудничества. Важно способствовать прекращению действия экстремистских Интернет-каналов, перекрытию источников финансирования террористов, в том числе наркотрафика, исключить возможность проникновения боевиков и экстремистов через границы государств и их беспрепятственного передвижения из одной страны в другую. Сотрудничество между странами региона должно строиться по принципу так называемого «селективного партнерства», то есть не поступаясь интересами

каждой страны формировать коалицию по принципу «сетевого взаимодействия», что может повысить эффективность реагирования на террористические угрозы.

Необходимо лишить террористов социальной базы поддержки в достижении политических целей, в пропаганде, представляющей особую форму воздействия на общественное мнение. Одной из основных стратегий в борьбе с терроризмом должна быть ликвидация социальных, политических, экономических и других причин терроризма. Так, в странах Центральной Азии необходимы глубокие социально-экономические реформы, нацеленные на повышение уровня благосостояния людей, формирования новых рабочих мест и повышение уровня занятости населения.

В следующей главе будет рассмотрена деятельность России и Китая как источников стабильности и безопасности в Центральной Азии, форматы взаимодействия.

ГЛАВА 3 РФ И КНР КАК ИСТОЧНИКИ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

3.1 Стратегия и тактика РФ

Российская дипломатия придает большое значение сотрудничеству со среднеазиатскими государствами, поскольку мир и безопасность в Центрально-Азиатском регионе имеют прямые последствия для России. Этот вывод можно сделать на основе двух основных документов, определяющих задачи внешней политики России. К ним относятся Стратегия национальной безопасности РФ, разработанная в 2017 г. и действующая до 2030 г., и Концепция внешней политики РФ от 2016 г. Формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие предотвращению возникновения и устранение имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях, соблюдение универсального принципа равной и неделимой безопасности, создание широкой международной антитеррористической коалиции на основе эффективного взаимодействия государств, противодействие распространению радикальных идей, расширение интеграционных связей в рамках СНГ относится к первоочередным задачам России. Приоритетными направлениями внешней политики РФ являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с сопредельными странами в сфере обеспечения безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотических средств, транснациональной преступности, незаконной миграции [76]. Аналогичные тезисы звучат в выступлениях Президента РФ.

Россию и Центрально-Азиатские республики связывают многочисленные экономические, политические и военные связи. Россия заинтересована в продолжении сотрудничества с этим регионом и сохранении контроля над ключевыми каналами связи, стратегическими комплексами (такими как космодром Байконур в Казахстане), минерально-сырьевыми ресурсами, нефте- и

газопроводами, расположенными в Центральной Азии, содействию деловой активности российских компаний в энергетическом секторе, стимулирование региональных государств к большему импорту из России. РФ представляется ключевой державой в регионе, обладающей с одной стороны достаточными политическими и экономическими ресурсами, а с другой – стратегическим видением развития ситуации в регионе на данный момент. Ее интеграционные инициативы могут гарантировать безопасность региона.

Для России крайне важно иметь стабильное стратегическое положение в Центрально-Азиатском регионе, поскольку это облегчает ей взаимодействие с Китаем, Индией и мусульманскими странами Востока, а также обеспечивает присутствие на территориях, которые традиционно были сферой ее жизненных интересов. В целом интересы РФ в Центральной Азии можно определить следующим образом: обеспечение стабильности на основе соглашений о сотрудничестве с странами региона; использование всех возможностей для решения практических задач, стоящих перед Россией как мировой и региональной державой [29, с. 57].

В этой связи перед Россией стоит ряд практических задач, а именно: эффективное использование существующих механизмов многостороннего сотрудничества, обеспечение безопасности южных границ, сдерживание террористической угрозы, постоянное развитие военного сотрудничества.

Основные российские принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы, а также порядок применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с терроризмом закреплены в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ. В нем дается определение терроризма как идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления, международными организациями, связанной с устрашением населения, иными формами противоправных насильственных действий. Под противодействием терроризму понимается деятельность по предупреждению терроризма, в том числе по

выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию терактов (борьба с терроризмом); минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма [78].

Президентом РФ 05.10.2009 г. утверждена Концепция противодействия терроризму, в которой определены основные задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы. К основным задачам противодействия терроризму относятся: выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению терроризма, пресечение действий, направленных на совершение преступлений террористического характера; привлечение к ответственности субъектов террористической деятельности; поддержание в состоянии постоянной готовности сил, предназначенных для борьбы с терроризмом; обеспечение безопасности граждан и защищенности потенциальных объектов терроризма; противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий [39].

Также Президентом РФ утвержден 28.12.2018 г. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в России на 2019–2023 гг., формирующий законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма. Организовано кадровое и методическое обеспечение данной деятельности, к ее осуществлению привлечены органы местного самоуправления. В результате комплекса адресных профилактических мероприятий сокращено количество российских граждан, выезжающих за рубеж для участия в международных террористических организациях. Проведение в образовательных организациях мероприятий с антитеррористической тематикой позволяет молодежи осознать преступную сущность терроризма. Увеличился объем и действенность антитеррористических материалов. Разработка механизмов защиты информационного пространства позволила существенно ограничить проникновение в Интернет материалов, содержащих идеи, пропагандирующие

террористическую деятельность. Целью реализации Комплексного плана является защита населения от пропагандистского воздействия международных террористических организаций, сообществ и отдельных лиц [38].

С учетом быстро меняющейся ситуации в мире в целях обеспечения дальнейшей реализации антитеррористической государственной политики Президентом РФ 29.05.2020 г. утверждена новая Стратегия противодействия экстремизму до 2025 г., взамен принятой в 2014 г. В ней даны понятия идеологии насилия (совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей) и радикализму (приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к кардинальному изменению основ конституционного строя, нарушению единства и территориальной целостности РФ). Наиболее опасными проявлениями экстремизма указаны: возбуждение ненависти, вражды, унижение достоинства людей по признакам национальности, отношения к религии, принадлежности к какой-либо группе; приверженность радикальным течениям ислама; деструктивная деятельность некоторых организаций под видом образовательных, культурных, религиозных проектов. Отмечается, что основным средством связи экстремистских организаций для привлечения в свои ряды новых членов стали информационно-коммуникационные сети. Целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму является защита основ конституционного строя РФ, прав и свобод граждан путем реализации на федеральном и муниципальном уровнях мер организационного и правового характера, которые разрабатываются с учетом результатов мониторинга [63].

Безусловно, России в одиночку не справиться с террористической угрозой. Одним из основополагающих факторов, влияющих на безопасность в регионе Центральной Азии, является сотрудничество РФ с КНР. Правовые основы взаимодействия в сфере поддержания безопасности закреплены 16.07.2001 г. в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем. В нем предусмотрено активное сотрудничество стран в области борьбы с

терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.

Двусторонний формат российско-китайского взаимодействия в сфере обеспечения глобальной и региональной безопасности успешно развивается и в настоящее время, регулярно проводятся совместные мероприятия оперативной и боевой подготовки, осуществляются контакты между генеральными штабами, разными видами вооруженных сил, органами военного управления, приграничными округами и военно-учебными заведениями. Реализуются многосторонние «оборонные» площадки: китайский ежегодный форум «Сяншань», диалог начальников генеральных штабов стран Южной и Юго-Восточной Азии, московская конференция по международной безопасности, региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по безопасности, встречи министров обороны ADMM-Plus, «Шангри-Ла Диалог», ежегодные межправительственные форумы безопасности. Также регулярно проводится азиатская конференция Валдайского клуба, на последнем заседании которой в ноябре 2019 г. указано, что взаимодействие России и Китая в регионе с одной стороны привносит новые технологические инициативы, с другой – определенные правила игры, рамки регулирования.

Основное сотрудничество в этой сфере РФ и КНР в основном осуществляется в рамках ШОС, кроме того, коррелируется с системой их взаимоотношений в других международных организациях (ООН, АСЕАН и т. п.). В 2019 г. Россией и Китаем разработан план сотрудничества на 2020–2021 гг.

Основными принципами взаимодействия двух стран в антитеррористической деятельности остаются: изучение причин распространения экстремистских идеологий и терроризма, их устранение; отказ от политики двойных стандартов в определении принадлежности движений к экстремистским и террористическим организациям; оказание содействия региональному и международному сотрудничеству между соответствующими агентствами и

структурами, работающими в смежных областях (борьба с организованной преступностью, финансированием терроризма, незаконной миграцией, с производством и распространением наркотиков,), путем обмена информацией, создания объединенных баз данных, согласования розыскных действий; углубление сотрудничества в противодействии террористическим угрозам на межгосударственном уровне, вовлечение в него неправительственных, общественных, религиозных, молодежных и иных организаций; активизация деятельности, направленной на повышение толерантности и уважения к правам человека в обществе, в том числе оказание поддержки межконфессиональному диалогу; сохранение секуляризма в светском государстве, развитие и распространение «классического» ислама; поддержание в постоянной готовности соответствующих военных структур обоих государств для нейтрализации террористических и экстремистских проявлений.

Необходимо отметить, что международная нормотворческая антитеррористическая деятельность с участием России не прекращается и сегодня, несмотря на непростые отношения, сложившиеся между ведущими державами. Так, в январе 2018 г. Евразийской экономической комиссией одобрен проект Соглашения об обмене информацией в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении денежных средств через таможенную границу Евразийского экономического союза. Проект Соглашения предусматривает информационное взаимодействие между государствами-членами ЕАЭС, путем представления сведений о заявленных в таможенных декларациях денежных средствах. Президентом РФ 21.02.2020 г. принято распоряжение о принятии предложения Правительства РФ о подписании данного Соглашения [61].

В марте 2020 г. состоялось очередное заседание Межведомственной комиссии по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения

в РФ, на котором рассмотрены вопросы пресечения незаконных финансовых операций с использованием исполнительных документов.

Формы и методы борьбы с террористическими проявлениями определяются сложной социально-политической и военной природой терроризма. Следует отметить, что в России сегодня выстроена четкая общегосударственная система противодействия терроризму, представляющая собой совокупность организационных структур (субъектов противодействия терроризму), которые в рамках своих полномочий разрабатывают и реализуют комплекс мер по профилактике террористических угроз, выявлению и пресечению террористической деятельности, минимизации и ликвидации возможных последствий терактов. В компетенцию уполномоченных органов государственной власти входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственные организации и объединения, граждане оказывают содействие органам государственной власти в осуществлении мероприятий в данной сфере.

Координацию действий субъектов в области противодействия терроризму осуществляет Национальный антитеррористический комитет (НАК). В России он действует с 2006 г., в его состав входят руководители почти всех силовых структур, спецслужб, ключевых правительственных ведомств. Указом Президента РФ «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» от 26.12.2015 г. утверждено новое положение о данном Комитете. Он вносит предложения по совершенствованию государственной политики в области противодействия терроризму, по вопросам организации международного антитеррористического сотрудничества, координирует деятельность органов исполнительной власти в области противодействия терроризму. НАК обеспечивает активное участие в международном антитеррористическом сотрудничестве России и своевременно информирует о планируемых и проведенных оперативных и информационно-пропагандистских мероприятиях в области противодействия терроризму.

В субъектах Российской Федерации координацию деятельности территориальных органов государственной власти по профилактике терроризма, ликвидации его последствий осуществляют антитеррористические комиссии, возглавляемые высшими должностными лицами соответствующих субъектов.

В рамках соответствующих федеральных программ реализуются мероприятия, позволяющие установить единую систему подготовки сотрудников различных ведомств, специализирующихся на борьбе с терроризмом, совершенствовать технические комплексы и способы получения информации о действиях и намерениях террористических группировок. На сегодняшний день предъявляются более высокие требования к взаимодействию между руководителями оперативных штабов и антитеррористических комиссий в субъектах РФ.

В этой системе Министерству иностранных дел (МИД) РФ отведена роль координатора деятельности органов исполнительной власти в проведении единой внешнеполитической линии в сфере международного антитеррористического сотрудничества, в том числе в формате деятельности международных организаций и структур, в рамках взаимоотношений России с ЕС, с Организацией Североатлантического договора (НАТО), АСЕАН, а также в рамках двусторонних отношений с партнерами по международной антитеррористической коалиции.

Большой опыт участия в антитеррористической деятельности, проводимой под руководством НАК, накоплен Росгвардией РФ. С ее участием реализуется российско-китайское сотрудничество в формате проведения совместных армейских игр. Нужно отметить, что между РФ и КНР на протяжении последних лет ежегодно проводятся совместные антитеррористические учения и тренировки. Так, учения под кодовым названием «Мирная миссия» проводятся с 2005 г., их цель – повышение боевой готовности антитеррористических подразделений и укрепление оперативного взаимодействия между компетентными органами государств. Численность воинских подразделений РФ и КНР, привлекаемых к учениям, превышает 10 000 человек. Также регулярно организуются военно-

морские учения флотов России и Китая, целью которых, среди прочего, является усиление совместных возможностей борьбы с пиратством как одной из разновидностей терроризма. Первые подобные учения были проведены в 2005 г. в морской акватории, прилегающей к полуострову Шаньдун, начиная с 2012 г. проводятся ежегодные учения флотов «Морское взаимодействие». С 2016 г. Китай и Россия включили в учения противоракетную составляющую, проведя командно-штабные учения по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность», в рамках которых отработывалось согласование подходов к взаимодействию по решению задач в сфере ПВО и ПРО.

За время образования Росгвардии проведено более 15 совместных мероприятий, большая часть из которых имеет практическую направленность. Так, в октябре 2019 г. реализована программа совместных антитеррористических учений спецподразделений Росгвардии и Народной вооруженной полиции Китая «Сотрудничество-2019», включающая в себя подготовку подразделений спецназа к действиям по нейтрализации террористических групп, проверку на практике возможностей различного вооружения и техники. В ходе маневров, которые проходили в учебном центре «Горный» в Новосибирской области, отработаны действия при проведении операции по поиску и уничтожению условных террористов на открытой местности, в зданиях и на объектах транспортной инфраструктуры, проведены совместные операции по освобождению «заложников», отработаны задачи по обезвреживанию вооруженных преступников на железнодорожных объектах.

Конечно, имеются и недостатки в данной сфере. Анализ деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму свидетельствует о наличии неиспользованных резервов в ее организации. Научное и методическое обеспечение действий по противодействию идеологии терроризма не в полной мере отвечает реальным потребностям практики и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

С учетом того, что силовые меры по борьбе с терроризмом дают лишь временный эффект, не позволяя полностью его искоренить, большое внимание в РФ уделяется предупреждению (профилактике) терроризма. Эта работа идет по ряду основных направлений – созданию системы противодействия идеологии терроризма; осуществлению мер правового, оперативного, административного, военного и технического характера, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности объектов террористических посягательств, усилению контроля за соблюдением административно-правовых режимов. Особое место уделяется ресурсному обеспечению антитеррористической деятельности. Не менее значимой является забота о людях, пострадавших при совершении теракта. В ходе реализации мер по ликвидации последствий проявлений терроризма решаются задачи по оказанию медицинской помощи, проведению аварийно-спасательных и противопожарных мероприятий, социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате терактов, возмещению вреда.

Важным этапом работы по совершенствованию антитеррористической деятельности в России стало создание развивающей мировую практику уровневой системы ситуационного реагирования на террористические угрозы, предусматривающей три уровня террористической опасности: повышенный – «синий», высокий – «желтый», критический – «красный».

Указанная система противодействия терроризму и принимаемые Россией меры ведут к положительным изменениям. С 2017 г. возобновились дискуссии о более активном использовании Коллективных сил быстрого реагирования (КСОР) в Центральной Азии для обеспечения безопасности от внешних и внутренних террористических угроз. В рамках ОДКБ продолжает обсуждаться вопрос о создании единой системы ПВО и ПРО для всех государств-членов [33]. Обсуждается тема расширения военного присутствия России в регионе, в частности на афгано-таджикской границе.

В ноябре 2019 г. в рамках саммита ОДКБ Россией обозначены основные направления, по которым страна намерена вести работу во время своего

председательства в организации в 2020 г., представлен план военного сотрудничества до 2025 г., акцент в котором сделан на миротворческую деятельность, продолжение совместных операций по обнаружению и ликвидации подразделений террористических группировок, источников их финансирования.

Россия рассматривает возможность усиления безопасности в регионе за счет сотрудничества с третьими странами, а также вовлечения в ОДКБ новых участников и наблюдателей. Наиболее очевидными партнерами в охране южных рубежей ОДКБ являются Узбекистан и Туркменистан, которые граничат с Афганистаном, также как и член ОДКБ Таджикистан. Эти страны находятся под постоянной угрозой атаки афганских террористов, что распространяет действия России по укреплению безопасности прежде всего на них [8].

Несмотря на трудности, возникшие в 2020 г. в мире в связи с пандемией, Россия не прекращает международную деятельность по решению задач по противодействию терроризму. В феврале 2020 г. в Вене с участием России прошла Совместная региональная конференция ОДКБ «Иностранные боевики-террористы (ИБТ): отвечая на современные вызовы». Мероприятие проводилось совместно с ОБСЕ, КТУ ООН. Обмен мнениями представителей национальных антитеррористических структур и профильных антитеррористических подразделений ООН, экспертов с опытом практической работы был направлен на решение задач по формированию широкого антитеррористического фронта при центральной координирующей роли ООН. Обсуждалась тема воспрепятствования перемещению иностранных боевиков-террористов в контексте координации мер в отношении участников вооруженных конфликтов на стороне международных террористических организаций. Итоги мероприятия будут представлены на Конференции ООН с участием руководителей контртеррористических ведомств государств-членов, которая пройдет в Нью-Йорке в июле 2020 г.

В мае 2020 г. в формате видеоконференции состоялось заседание Совета министров иностранных дел ОДКБ, на котором обсуждены вопросы о перспективах развития международной и региональной обстановки и ее влиянии

на безопасность государств, о сотрудничестве ОДКБ с СНГ и ШОС с целью синхронизации антитеррористических программ. Министр иностранных Дел РФ Сергей Лавров предложил рассмотреть первоочередные меры по развитию взаимодействия в области биологической безопасности, призвал остальные страны уделять самое пристальное внимание выявлению иностранных террористов, указав, что созданию надежного заслона способствовало бы завершение работы над формированием единого списка террористических организаций. Обращено внимание на угрозу со стороны незаконного оборота наркотиков, доходы от которого используются для финансирования террористической деятельности. Глава МИД РФ призвал к расширению географии антинаркотической операции ОДКБ «Канал и привлечению новых участников. Запланированы совместные операции по обнаружению и ликвидации террористических группировок. Также Россия намерена поделиться с партнерами по ОДКБ опытом антитеррористической деятельности, полученным в Сирии. Существует риск появления новых «горячих точек» у границ ОДКБ, поэтому нужно повышать эффективность анализа и прогнозирования военно-политической обстановки, проработать правовую базу для участия миротворческих сил в операциях под эгидой ООН [64].

Представляется весьма своевременной выработка на высшем уровне мер по обеспечению биологической безопасности. После пандемии коронавируса, показавшего, насколько уязвимы современные общества перед вирусными инфекциями, для мирового сообщества может возникнуть новая угроза. Террористы могут переключиться на создание биологического оружия, поскольку ущерб от него, нанесенный людям и экономике, будет гораздо сильнее, чем при традиционных терактах. Преднамеренное использование террористами патогена или другого биологического агента может оказаться чрезвычайно эффективным. Биотерроризм вышел на арену как одна из угроз международной стабильности на фоне пандемии. ФСБ России добыты достоверные сведения об отработке бандитами новых средств и методов осуществления подрывной деятельности.

Преступники располагают материалами, технологиями и инфраструктурой для производства химического оружия и биотоксинов. В качестве средств доставки поражающих элементов применяются беспилотные летательные аппараты [41].

Все острее перед Россией стоит необходимость бороться и с таким относительно новым видом терроризма как атаки в киберпространстве, к которому всё чаще прибегают экстремисты. В условиях, когда на фоне пандемии весь мир перешел на удаленный доступ, то есть на работу по компьютерным сетям, естественно возрастает количество преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Нарастившая техническую оснащённость, террористы нацеливаются на дезорганизацию работы органов власти, выбирая в качестве потенциальных объектов своих атак «жизненно важную и критическую инфраструктуру». Также с целью дестабилизации ситуации в обществе электронные почтовые сервисы зарубежных стран и IP-телефония используются для масштабных рассылок ложных сообщений об угрозах совершения терактов [42]. Многие радикальные группировки стараются добиться того, чтобы их акты произвели как можно больший резонанс, и о них узнало максимальное количество людей по всему миру. Радикальные организации держат целые подразделения программистов, которые создают и обновляют веб-сайты, ведут блоги и страницы в социальных сетях. Руководство группировок прибегает к кибертерроризму, потому что это обеспечивает нужный результат при минимальных вложениях, а также усложняет поиск непосредственных исполнителей. С целью координации борьбы с кибератаками ФСБ России в 2018 г. создан национальный центр, занимающийся обнаружением, предупреждением и ликвидацией последствий компьютерных атак на «критическую инфраструктуру» (совокупность автоматизированных систем управления производственными процессами, обеспечения обороноспособности и безопасности страны). Центр также осуществляет обмен информацией между профильными ведомствами и с зарубежными коллегами, анализ прошедших кибератак и выработку методов борьбы с ними. Объединение

усилий в борьбе с киберугрозами предлагается как одна из тем готовящегося саммита «ядерной пятерки»: Российской Федерации, Китая, США, Великобритании и Франции, который может состояться в сентябре 2020 г.

Кроме того, Россией разрабатывается и модернизируется оборудование и вооружение для пресечения террористических актов, в том числе на территории стран Центрально-Азиатского региона. Можно констатировать, что основу вооруженных сил стран Центральной Азии составляет бывшая советская и поставляемая Россией техника, а процесс обеспечения и ее технического обслуживания осуществляется за счет закупки запасных частей и обучения личного состава. Так, весомый вклад в укрепление обороноспособности Кыргызстана вносит российская военная база, которая включает в себя несколько военных объектов, в том числе авиабазу в городе Кант, обеспечивающую воздушное прикрытие наземных операций. В марте 2019 г. Россия и Киргизия подписали протокол о внесении изменений в соглашение о данной базе.

С 2014 г. Россия оказала техническую помощь на сумму свыше \$ 140 млн. в перевооружении Таджикистана для противодействия терроризму. В 2019 г. достигнуто соглашение о расширении контингента 201-й военной базы в Республике и размещении большого отряда беспилотных летальных аппаратов. Вооруженные силы Таджикистана также, как и другие страны региона, постоянно получают в свой арсенал мощное современное российское оружие. Развивается прямое сотрудничество в сфере безопасности Москвы и Узбекистана. С 2017 г. возобновились совместные военные учения, в 2019 г. произведены большие закупки вооружения и техники, углубляется сотрудничество по линии специальных служб. Страны региона по-прежнему ориентируются на Россию в плане оперативного реагирования на различного рода угрозы. Наконец, сама структура организации воинских формирований едина в России и странах СНГ.

Можно также отметить влияние России на военную подготовку вооруженных сил в странах Центральной Азии. Тысячи будущих офицеров постоянно проходят обучение на территории России, а в Таджикистане действуют военные учебные

центры, где готовят специалистов солдатских и сержантских специальностей. Кроме того, с участием России во всех без исключения странах региона проводятся военно-технические учения, с главами государств обсуждается комплекс мер по противодействию вызовам и угрозам безопасности [53].

Мощная военная составляющая совместных с Россией антитеррористических сил – двусторонние региональные группировки, Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона, Коллективные силы оперативного реагирования, Миротворческие силы, Коллективные авиационные силы. Анализируя ситуацию в регионе на 2020 г. и обозначая перспективы на ближайшие годы, Генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась, указал, что ежегодно совместно проводится по шесть-восемь различных военных и специальных учений. В сфере борьбы с вызовами и угрозами проводятся международные операции: антинаркотическая – «Канал», по борьбе с незаконной миграцией – «Нелегал», по борьбе с терроризмом – «Наемник» и другие, силовой компонент достаточен для решения поставленных задач. В 2020 г. запланировано провести ряд совместных учений, важнейшие из них: командно-штабное учение с КСОР ОДКБ «Взаимодействие-2020», учение с силами и средствами разведки «Поиск-2020», учение с миротворческими силами «Нерушимое братство-2020», учение с формированиями сил специального назначения «Кобальт-2020» в Таджикистане. Подготовлен План развития военного сотрудничества государств-членов ОДКБ на 2021–2025 гг., в котором предусмотрена совместная деятельность в сфере предотвращения и борьбы с терроризмом. Запланировано проведение антитеррористического комплекса оперативно-профилактических мероприятий под условным названием «Наемник», антинаркотической операции «Канал». Кроме того, запланированы операции по пресечению нелегальной миграции «Нелегал», по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий «Прокси». Секретариат ОДКБ совместно с МВД России разрабатывает проект Антинаркотической стратегии на 2021–2025 гг.

Обсуждается необходимость создания Базового центра подготовки миротворческих подразделений по стандартам ООН [85].

Немаловажным фактором в борьбе с терроризмом является перекрытие его финансовых потоков, ведь террористические организации получают средства от торговли наркотиками, оружием, от спонсоров, от игры на фондовых рынках и вложений в недвижимость через подставные фирмы. Почти 44 000 человек, причастных к терроризму, включены в созданный по инициативе ФСБ России международный банк данных. Доступ к банку данных имеют уже 47 спецслужб из 36 стран, а также восемь специализированных органов международных организаций, включая ООН, СНГ, ШОС, ОДКБ и Интерпол [37]. Россия выступает за подписание на высшем уровне в 2020 г. странами-участницами СНГ договора о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения с целью координации деятельности и объединении усилий стран в этой сфере. Новый документ должен прийти на смену действующему сейчас договору СНГ от 2007 г. о противодействии легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

В целом, в результате принятых мер отмечается поэтапное снижение террористической активности в России и странах Центрально-Азиатского региона. Число преступлений, характеризующих террористическую активность, в том числе за счет указанной работы, уменьшается с 2013 г. Увеличивается количество лиц, склоненных к отказу от террористической деятельности [38]. Разобщаются организованные источники распространения идеологии терроризма. Для предотвращения использования мигрантов в террористических целях правоохранные ведомства России и сопредельных стран усиливают контроль в пограничных зонах.

В 2018 г. Россией закрыт въезд в страну более 10 000 лиц, подозреваемых в причастности к террористической и экстремистской деятельности, а также не допущен выезд свыше 60 российских и иностранных граждан в зоны

вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке, выявлено более 47 000 интернет-ресурсов, которые содержали материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций [85].

В 2019 г. удалось предотвратить 39 терактов, пресечена деятельность 78 ячеек международных террористических организаций, ликвидированы 83 нелегальные мастерские по производству оружия, нейтрализовано 8 преступных групп, занимавшихся поставками оружия из зон вооружённых конфликтов, заблокированы финансовые активы более 2000 лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. Проведено 12 000 адресных профилактических мероприятий с лицами, подверженными воздействию террористической пропаганды, около 14 000 мероприятий с осужденными, около 35 000 мероприятий с трудовыми мигрантами [17].

В число арестованных на территории России в 2018–2019 гг. боевиков, планировавших теракты, входят и уроженцы стран Центральной Азии. Так, в октябре 2018 г. пресечена деятельность ячейки ИГ, планировавших теракты в Москве с применением огнестрельного оружия и самодельных взрывных устройств, руководство которой осуществлялось эмиссарами в Сирийской Арабской Республике – выходцами из Центрально-Азиатского региона. В этот же период времени выявлены члены «спящей» ячейки «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад», лидером которой являлся гражданин одной из стран Центрально-Азиатского региона. В декабре 2019 г. в Москве арестованы пять боевиков ИГ, планировавших теракты, трое из которых оказались уроженцами стран Центральной Азии [67].

Роль России в дальнейшем обеспечении безопасности в Центрально-Азиатском регионе представляется более многомерной, сложной и менее однозначной, поскольку Россия не хочет и не может препятствовать взаимодействию стран региона с другими ведущими державами мира, предлагающими свою помощь и сотрудничество. России необходимо учитывать более сложную атмосферу в регионе и считаться не только со своими интересами,

но и с интересами других внешних акторов. Вместе с тем, нельзя не признать, что Россия остается доминирующей силой, способной дать отпор террористической угрозе в Центральной Азии, находится в альянсе с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном и стремится к сотрудничеству с остальными странами региона.

В следующем параграфе будет рассмотрена стратегия и тактика КНР.

3.2 Стратегия и тактика КНР

Борьба с международным терроризмом и экстремизмом в Центральной Азии продолжается как на региональном, так и на международном уровне, в том числе при поддержке ШОС, одной из стран-участниц которой является КНР.

Основная идея поступательного развития Китая – инициатива «Один пояс – один путь», которая состоит из двух блоков: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.». По этой причине все внешнеполитические концепции являются прикладными вещами для обеспечения стабильного и поступательного развития экономики и социума Китая. Странам Центрально-Азиатского региона Китай дает кредиты под небольшие проценты и при условии привлечения для их освоения китайских рабочей силы, технологий и бизнеса. В итоге страны региона, реализуя проекты за счет китайских займов, получают инфраструктуру с разной степенью контроля со стороны КНР. Поэтому Китай прежде всего связывают со странами Центральной Азии экономические интересы. Учитывая, что через Центральную Азию проходит «Шелковый путь» из КНР в Европу, важный для международной торговли, риски для региональной безопасности вызывают беспокойство у внерегиональных игроков, и прежде всего у Китая [40].

При разработке политики национальной безопасности власти КНР придерживаются взглядов создателя политики «Реформ и открытости» Дэн Сяопина на дипломатию как одно из главных ее средств и проводят независимую, последовательную политику мира. В международных делах КНР определяет свою

позицию, исходя из фундаментальных интересов прежде всего народа Китая, а затем других стран. КНР не поддается внешнему давлению и не вступает в противоречащие его интересам союзы с какой-либо крупной державой или группой стран, а также не создает военных блоков, не участвует в гонке вооружений или не стремится к военной экспансии.

В своей речи в Назарбаев-Университете в 2013 г. Си Цзиньпин указал, что Китай придерживается пути мирного развития и неизменно проводит независимую, самостоятельную, мирную внешнюю политику. Китай заинтересован в укреплении взаимного доверия и сотрудничества со странами региона в двустороннем порядке и в рамках ШОС, решительно настроен на совместную борьбу с наркотрафиком и трансграничной организованной преступностью, создавая, таким образом, благоприятные условия для экономического развития и народного благополучия в регионе. Для того, чтобы достичь укрепления связей внутри региона Китай предложил новую модель сотрудничества, которая состоит из пяти пунктов: усиление политического согласования, строительство единой дорожной сети, усиление торговых связей, валютных потоков и народных связей [56].

Китайский лидер продвигает идею о том, что государства, которые хотят войти в инициативу «Один пояс – один путь» будут проводить обмен мнениями по стратегии и тактике экономического развития региона, выработывая программы и меры по развитию регионального сотрудничества. Дорожная магистраль, протяженностью от Тихого Океана и до Балтийского моря будет совершенствовать трансграничную транспортную инфраструктуру, которая будет соединять восточную, западную и южную Азию. Такая дорожная магистраль создала бы благоприятные условия для экономического развития всех регионов, упростила торговлю между странами, что повысит инвестиции, скорость и качество экономических операций в регионе [66]. Однако для реализации этих инициатив необходимо обеспечение безопасности не только внутри Китая, но и на территории граничащих с ним государств.

С другой стороны, геополитический вакуум, образовавшийся на западных границах Китая после распада Советского Союза, привел к новым вызовам, и территориальная безопасность КНР оказалась под угрозой. Китайское руководство осознает, что проблемы, которые возникают в Центрально-Азиатских государствах, носят трансграничный характер и оказывают непосредственное влияние на ситуацию в стране. Существует феномен трансграничной этничности – те народы, которые находятся в Западном Китае, также живут в Центрально-Азиатских государствах либо как титульные нации, либо как национальные меньшинства. Современная китайская политика реализует принцип подавления любого политического руководства из-за рубежа организаций и общин, которые находятся на территории Китая, но имеют центры за его пределами, не допуская никакого внешнего влияния.

С 2016 г. Китай частично решает вопросы безопасности в регионе Центральной Азии при помощи «Четырёхстороннего механизма по сотрудничеству и координации» (Quadrilateral Cooperation and Coordination Mechanism), где, помимо него, принимают участие Пакистан, Таджикистан и Афганистан. Основная цель механизма – совместная борьба с терроризмом и экстремизмом ради поддержания мира и стабильности на территории всех стран-участниц. Стороны договорились укреплять антитеррористический потенциал друг друга и обмениваться разведывательными данными, соблюдая при этом принципы международного права, взаимно уважать суверенитет и территориальную целостность, не вмешиваясь во внутренние дела друг друга.

В ходе заседания высшего военного руководства «Четырёхстороннего механизма по сотрудничеству и координации» в Душанбе в 2017 г. были подписаны два документа, направленные на укрепление сотрудничества в рамках нового формата: Соглашение о Координационном механизме по противодействию терроризму между вооружёнными силами Афганистана, Китая, Пакистана и Таджикистана, а также Протокол об Антитеррористическом информационном центре координации вооружённых сил четырёх стран. Сам факт

существования этих двух документов известен, однако их содержание не раскрывается.

В формате данного механизма проходят встречи рабочих групп, в 2019 г. в Пекине состоялось очередное совместное заседание четвёрки, на котором были подведены итоги сотрудничества и сделан вывод о том, что «международная ситуация в области борьбы с терроризмом продолжает оставаться сложной, наблюдается тенденция к объединению экстремистских группировок в регионе, что создаёт серьёзную угрозу стабильности четырёх стран» [80, с. 40–41].

Реализация механизма предполагает сотрудничество как между армиями четырех государств, так и в двустороннем формате. Между министерствами обороны налажена система обмена информацией о планируемых попытках проведения террористических и экстремистских действий. В рамках организационных мер по усилению борьбы с терроризмом при проведении военных учений четырех стран предусмотрены мероприятия, обеспечивающие взаимодействие генеральных штабов вооруженных сил [79].

Китайские аналитики называют Таджикистан одной из ключевых точек в вопросе обеспечения национальной безопасности КНР. Для борьбы с терроризмом Китай оказывает помощь пограничным войскам Таджикистана, осуществляя тем самым контроль за перемещением боевиков из экстремистской организации ИГ, которые проникают на территорию Центральной Азии и приобретают себе новые паспорта на имя граждан государств этого региона. В 2016 г. Пекин и Душанбе подписали межправительственное соглашение о модернизации пограничной инфраструктуры в сопредельных с Афганистаном районах Таджикистана, предусматривающие возведение трёх комендатур, пяти пограничных застав, пяти пограничных постов и одного учебного центра [35].

Не отказывается Китай от взаимодействия в борьбе с терроризмом и с остальными государствами региона. Среди дальнейших стратегических целей Пекина в Южной Азии можно считать его намерение укреплять свои позиции, поскольку сотрудничество со странами региона позволяет ему реализовывать

своеобразную дугу выхода КНР к Индийскому океану, в то же время не форсируя ситуацию и не наращивая свое военное присутствие в регионе. Эта стратегия обеспечивает Китаю стабильную внутривластную обстановку в Синьцзяне и спокойствие на западных границах государства, при этом не будучи обвиненными в расширении своего военно-политического влияния в регионе. Китаю необходимо благоприятное внешнее окружение для реализации программ внутреннего развития и только поэтому он вынужден активизировать контртеррористическое сотрудничество со своими соседями по региону. КНР заинтересована в ускорении мирного урегулирования в Афганистане, поэтому стремится найти такой способ участия в жизни региона, который бы отвечал как собственным интересам страны, так и интересам его соседей.

Другими словами, в Пекине исходят из того, что Центральная Азия играет стратегически важную роль как в обеспечении национальной безопасности современного Китая, так и в его становлении в качестве великой мировой державы. Наряду с Россией этот регион играет роль своего рода глубокого тыла, беспроигрышной опоры перед лицом все более тревожащей угрозы терроризма [46, с. 42].

Важность Центрально-Азиатского региона для Китая определяется следующими факторами:

1) регион имеет и, скорее всего, будет иметь на длительную перспективу существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности Китая. Слабость Центрально-Азиатских государств, активная деятельность на их территории исламских экстремистских организаций, общая граница с Афганистаном и, наконец, наличие сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на Северо-Востоке КНР еще длительное время будет вынуждать пекинское руководство уделять серьезное внимание сотрудничеству с государствами региона в сфере безопасности;

2) энергетическая составляющая в отношениях с государствами Центральной Азии в условиях быстро растущей китайской экономики также крайне важна для

современного Китая. Это обусловлено близостью региона к территории КНР, и, следовательно, существенным снижением затрат на транспортировку энергоресурсов. Причем, по мере истощения запасов нефти и газа на территории самого Китая значение данного фактора будет возрастать;

3) учитывая тот факт, что основной вектор развития Китая на долгосрочную перспективу направлен на превращение его в мировую державу XXI в., геополитическая составляющая его внешнеполитической деятельности, обеспечивающая достижение поставленной цели, должна быть представлена во всех регионах мира, где действуют основные мировые акторы — США, Евросоюз, Япония, Россия, Индия и другие. Центральная Азия — именно такой регион.

В некоторых странах региона Пекин уже стал важным партнером в сфере безопасности [20]. Судя по планам китайского руководства относительно Центральной Азии, в будущем участие и присутствие Пекина в региональных делах не будет уменьшаться. Пекин ставит перед собой цели, реализация которых предполагает зависимость стран региона от Китая, прежде всего в сфере экономики. Большое значение имеет стремление Пекина защитить свои экономические инвестиции в Центральной и Южной Азии, прежде всего для обеспечения безопасности Китайско-Пакистанского экономического коридора. Инициатива фокусируется на вопросах безопасности и представляет собой постепенную «секьюритизацию» континента Китаем.

Обобщая изложенное выше, можно выделить ряд основных направлений современной политики Китая в Центральной Азии:

- поддержание стабильности в регионе, содействие его экономическому развитию;
- обеспечение дружеских двусторонних и многосторонних связей государств и безопасности в приграничных районах;
- недопущение монопольного доминирования в регионе какой-либо страны, особенно недружественной КНР;

- обеспечение практической реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути»;
- обеспечение открытости энергетических и других ресурсов ЦАР для экономики Китая;
- создание предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе.

За последние годы Китай вложил немало средств в экономику стран Центральной Азии в том числе в связи с тем, что из региона происходили угрозы для территориальной целостности КНР. Были поставлены две задачи: во-первых, международная координация сил, чтобы с группами уйгурских сепаратистов на территории Центральной Азии велась борьба силами самих государств региона. Во-вторых, содействие развитию экономики региона, что для Китая является характерной стратегией, ведь чем больше развивается экономика, тем выше стабильность и уровень жизни, тем самым решается проблема сепаратизма, экстремизма, преступности и т. д.

Говоря о текущей стратегии Китая в Центрально-Азиатском регионе, можно выделить следующие наиболее важные элементы. Он рассматривает Центральную Азию как: перспективный рынок сбыта товаров и альтернативный доступ к международным транспортным коридорам; важный источник энергетических ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей быстро развивающейся китайской экономики; территорию, играющую стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности современного Китая.

Сравнивая стратегию Китая в Центральной Азии с двумя другими мировыми державами — Россией и США, можно выделить как общие черты, так и отметить разницу. Среди общих тенденций выделяется прежде всего экономическая политика. Все три государства заинтересованы в выстраивании взаимовыгодных торгово-экономических отношений с регионом. США и Китай заинтересованы в Центральной Азии с точки зрения ее энергетического потенциала. В то же время Россия и США рассматривают эту территорию как важный геополитический

форпост, где у каждой стороны есть свои национальные интересы и приоритеты. Китай сегодня отказывается от прямого военного присутствия в регионе, опираясь на экономические рычаги, прежде всего в рамках ШОС, рассматривая Центрально-Азиатский регион как движущую силу «мирного подъема (возвышения) Китая» (чжунго хэпин цзюэци). При этом политику Китая в Центральной Азии можно двойственной. Китай колеблется между собственными интересами, диалогом с Россией в регионе и перспективой китайско-американской сделки. Можно говорить о том, что стратегические интересы Москвы и Пекина в регионе в целом совпадают. Одной из основ взаимодействия в ближайшей перспективе является сопряжение национальных стратегий развития – Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояс и путь» и формирование в дальнейшем Большого Евразийского партнерства. Государства Центрально-Азиатского региона будут играть при этом одну из ключевых ролей.

Поскольку приоритетной задачей внешней политики Китая в Центральной Азии является поддержание безопасности и стабильности на своих западных границах, он сосредоточил свои усилия на борьбе с «тремя силами зла» (三股势力) – международным терроризмом, национальным сепаратизмом и религиозным экстремизмом, которые для него идеологически неразделимы.

С этой целью 27.12.2015 г. в Китае был принят Закон «О противодействии терроризму». Термин «терроризм» описан в нем как любое действие, которое посредством насилия, саботажа и угроз поднимает панику в обществе, снижает уровень безопасности, нарушает права личности и собственности, угрожает правительственным органам и международным организациям с определенными идеологическими или политическими целями. Согласно данному закону, операторы связи и интернет-провайдеры обязаны оказывать поддержку полиции и государственным службам безопасности в ходе антитеррористических расследований, предоставлять расшифрованные данные. В целом, в нем

устанавливаются основные принципы антитеррористической деятельности, меры по предотвращению терактов, условия международной кооперации [81, с. 315].

Данный закон позволил Народно-освободительной армии (НОАК) и Народной вооруженной милиции (НВМ) Китая участвовать в контртеррористических миссиях за пределами страны, не определяя четких масштабов этих миссий, что обеспечивает максимальную гибкость китайских вооруженных сил при проведении операций. Законодательное закрепление антитеррористической деятельности привело к кардинальным изменениям в использовании военной мощи КНР за рубежом, с применением новых разработок в рамках принятой военной доктрины, проводимых учений, покупаемого оборудования, а также базирования и осуществления дипломатической деятельности.

Принятие указанного закона изменило подход Пекина к международному сотрудничеству, Китай начал активно развивать диалог по обмену разведанными с новыми партнерами. Насущные потребности и перспективы дальнейшего экономического развития не оставляют Пекину иного выбора, кроме как разделить усилия международного сообщества по обеспечению региональной безопасности [59].

Так, между Россией и КНР заключено Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ратифицированное в 2016 г. В нем содержатся положения, касающиеся совместного принятия мер в целях выявления и эффективного пресечения деяний, связанных с подготовкой и осуществлением терактов, предотвращения терактов в приграничных районах сторон; предусмотрен обмен информацией в рамках сотрудничества по борьбе с терроризмом; содействие в расследовании уголовных дел по запросу одной из сторон, укрепление сотрудничества в области научно-исследовательской деятельности, обмена техникой, совершенствования специальной техники, совместного производства специальных средств и оборудования. Для реализации Соглашения Россия и КНР договорились согласовывать и упрощать

соответствующие процедуры, оказывать содействие в расследовании уголовных дел по запросам [68].

Несмотря на частичное сходство антитеррористических подходов КНР и других стран мира, существует ряд аспектов, которые ставят противодействие терроризму со стороны Китая на особое место. Пекин призывает бороться с причинами терроризма, которые кроются в конфликтах и бедности, вышеуказанными экономическими инициативами, параллельно усиливая социальную интеграцию и поддерживая цивилизационный диалог. В целом же китайская общегосударственная система противодействия терроризму отличается от стандартной. Китай вообще всегда идет своим путем. Он выступает за максимальную скоординированность действий международного сообщества по борьбе с терроризмом, придерживается многостороннего подхода и согласованного стандарта всех стран, что отсутствует на современном этапе отношений. Опираясь на базовые позиции в борьбе с терроризмом, Китай предлагает международному сообществу усилить сбор и обмен информацией, укрепить киберборьбу, перекрыть каналы аккумуляции финансовых средств террористов, а также содействовать избавлению от экстремизма. Эти положения стали основой китайского подхода.

КНР выступает не только за борьбу с терроризмом, но и за четкую стратегию по дерадикализации. Власти Китая уверены, что «жесткие» меры не позволят искоренить проблему, поэтому предлагают методы реабилитации для лиц, которые занимались терроризмом или экстремизмом, но не могут быть подвергнуты уголовному наказанию, а также для тех, кто заключен в тюрьму по обвинению в терроризме и кто уже отбыл наказание.

Принятый в марте 2019 г. документ «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», регулирующий применение мер против террористов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, подтверждает приверженность КНР вести борьбу против терроризма с опорой на закон, а также говорит об использовании превентивных мер, обмене опытом и участии в

международном сотрудничестве. Так, в борьбе с уйгурскими террористами используется следующая тактика: не допустить, чтобы разные разрозненные группы экстремистов объединились и расширились. Проблематика сепаратизма в Синьцзяне учитывается в рамках общей проблематики международного терроризма и вызывает непонимание мирового сообщества. Китайская модель противодействия терроризму основывается на концепции «верховенства закона с китайской спецификой», что является преградой для сращивания международного и китайского опытов борьбы с терроризмом [79].

Расхождение позиции Китая по ряду вопросов с подходом к противодействию терроризму большинства стран осложняет диалог между ним и его зарубежными партнерами. С другой стороны не стоит забывать, что китайские власти очень часто используют смертную казнь против террористов, из-за чего также осуждаются международным сообществом, в большинстве стран которого действует мораторий на смертную казнь. Китай не готов на сегодняшний день отказаться от высшей меры наказания, считая это необходимой мерой для предотвращения распространения терроризма и укрепления общественного порядка в стране. При этом власти КНР неохотно обнародуют статистику ежегодно казненных в стране террористов.

Противодействие терроризму со стороны Китая проявляется и в проводимых им учениях. КНР активно принимает участие в международных учениях, сотрудничает с Пакистаном, не оставляет без внимания этот аспект антитеррористической деятельности и в Юго-Восточной Азии. В целях поддержания боеспособности в борьбе с терроризмом с 2002 г. КНР проводит военные учения с участием армий стран Центральной Азии в рамках ШОС и на двусторонней основе. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) провела свои первые двусторонние учения с Кыргызстаном в октябре 2002 г. Всего в 2003–2016 гг. было проведено в общей сложности 39 совместных военных учений китайской армии с воинскими частями стран Центральной Азии, больше всего с Казахстаном (16), Таджикистаном (11) и Кыргызстаном (10) [50].

На протяжении последних лет Китай ориентирован на проведение учений по борьбе с терроризмом по периметру своих границ, сотрудничает со странами-соседями, преимущественно выбирая региональный характер антитеррористической стратегии. Кроме того, Китай продолжает антитеррористическую деятельность в Пакистане, через территорию которого проходит Китайско-Пакистанский экономический коридор со стратегически важным портом Гвадар. С 2016 г. НОАК проведено шесть учений с армиями стран Центральной Азии, в том числе два с участием ШОС. Активно проводятся китайско-таджикские военные учения. Так, в октябре 2016 г. в учениях в Ишкашимском районе граничащей с Афганистаном Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана было задействовано 10 000 человек. В августе 2019 г. там же прошли трёхдневные совместные учения таджикских и китайских подразделений [80, с. 41]. Таджикский Горный Бадахшан – это прямая дорога в китайский Синьцзян, поэтому Китай прикладывает все усилия, чтобы воспрепятствовать проникновению туда идеологии экстремизма. В Пекине опасаются проникновения джихадистов в Синьцзян через Ваханский коридор с целью дестабилизации обстановки на китайской территории [35].

В 2019 г. Китай начал проводить новый вид учений «Сотрудничество-2019» («合作-2019») между военизированными формированиями стран: в мае – с Национальной гвардией Узбекистана в Джизакской Области, в августе – с Киргизской Национальной гвардией в Урумчи (административный центр Синьцзян-Уйгурского автономного района). Вооруженные силы Китая играют все большую роль в военной дипломатии в Центрально-Азиатском регионе. С 2017 г. китайские вооруженные формирования по противодействию терроризму включены в патрули афганской армии.

Кроме того, Китай сегодня является крупным производителем и экспортером оружия и предоставляет государствам Центральной Азии военно-техническую помощь. Киргизия в 2014 г. получила \$ 16 млн. на модернизацию вооружений и строительство жилья для своих военных, в 2017 – еще \$ 14 млн. В 2015 г. Пекин

передал Казахстану 30 тягачей «Цзефани» (解放J6), 30 большегрузных прицепов на общую сумму \$ 3,2 млн. Таджикистану Китай выделяет военную помощь активнее всего. В 2016 г. КНР безвозмездно передал Душанбе на военные нужды \$ 19 млн. Китайские военные беспилотники Wing Loong-1 (翼龙) концерна AVIC находятся на вооружении в Узбекистане и Казахстане. Таджикистан закупает китайскую бронетехнику и патрульные машины, Туркменистан – ракеты наземного базирования, переносные зенитные комплексы третьего поколения QW-2 (前卫二号), мобильные радары боевого режима [50].

С 2014 г. КНР увеличивает вложения в деятельность миротворческих сил ООН. Так, например, в 2018 г. миротворческие силы ООН на 10,25 % были спонсированы КНР, что делает Пекин вторым после США крупнейшим финансовым донором организации. Китай активно участвует в миротворческих операциях ООН, на январь 2019 г. в них было задействовано 1030 китайских военнослужащих. Обучение будущих миротворцев осуществляется в два этапа: первый этап – учебный центр миротворческих сил, второй – полевой лагерь. Еще одним важным форматом взаимодействия в оборонной сфере является обмен опытом и подготовка кадров, которые НОАК предоставляет военным стран Центральной Азии. В 2003–2009 гг. в Китае прошли обучение 65 казахстанских офицеров и 30 военных специалистов из Таджикистана и Кыргызстана, в 2017 г. академия Вооруженных Сил Узбекистана подписала соглашение о сотрудничестве в области военного образования с Национальным университетом обороны НОАК [50].

Китай особое внимание уделяет информационной безопасности и его примеру следует страны Центральной Азии. После визита в Китай президента Узбекистана в 2019 г. было подписано соглашение на внедрение системы «безопасный город» в регионах Узбекистана на \$ 1 млрд. Президент Казахстана после визита в КНР в этом же году поручил перенять его опыт в области цифровизации данных о гражданах. Уже через месяц в столице тестировали новый способ оплаты проезда

в автобусах с использованием биометрических данных пассажиров – FacePay. Своя система «безопасного города» – «Шахри бехатар» есть и в Таджикистане. После ее модернизации в 2019 г. программное обеспечение центра на основе искусственного интеллекта помогает оперативнее обнаруживать лиц, находящихся в розыске. Киргизия на базе российского оборудования «Вега» договорилось с Китайской национальной корпорацией «CEIEC», специализирующейся на импорте и экспорте электроники, об установке программы для идентификации отдельных граждан или групп людей. Вторым этапом проекта «безопасный город» подразумевает установку новых камер по всей стране [50].

С 2015 г. в Китае значительно расширены полномочия госорганов по контролю Интернета. Эти действия были раскритикованы либеральной общественностью, поскольку в результате на иностранные компании возложили обязанность передавать конфиденциальную информацию правительству КНР, а также созданы механизмы, которые позволяют шпионить и следить за всеми пользователями Интернета. Для обеспечения безопасности в Интернете провайдеры телефонной и интернет-связи должны передавать китайским властям коды шифровки информации, а также пароли пользователей. Кроме того, телекоммуникационные компании должны размещать свои серверы и другое оборудование с личными данными пользователей только на территории Китая [47].

В рамках борьбы с кибертерроризмом в КНР использует множество средств. В стране создана сеть интернет-предприятий, специализирующихся на исследовании сети в террористической зоне. Интернет-операторы Китая, поставщики услуг, сознательно отвечающие за антитеррористические обязательства, под руководством правительства берут на себя инициативу по очистке информации в интернете. Граждане и общественные организации поощряются китайским правительством за активное участие в борьбе с кибертерроризмом. Некоторые интернет-компании создают на своих сайтах

платформу для размещения гражданами и общественными организациями сообщений о незаконной онлайн-информации. Также поддерживаются международные организации. Так, ввиду того, что террористические организации «Восточного Туркестана» используют зарубежный интернет для распространения своей информации, определенные ведомства китайского правительства активно общаются с соответствующими странами, организациями и предприятиями с целью пресечения этой деятельности. Трансграничная передача информации с террористическим и экстремистским содержанием запрещена, а органы связи должны принимать технические меры для блокирования ее распространения. В Китае создана база данных по борьбе с терроризмом, в которой аккумулируется информация о всех видах террористических акций, происходящих внутри страны и за рубежом, о террористических организациях и ее членах, рабочие документы о новейших террористических действиях внутри страны и за рубежом для предотвращения террористических нападений [82, с. 332].

Китай проводит жесткую политику по пресечению любых действий, направленных на оказание финансовой и материальной помощи террористическим и экстремистским организациям. Предусмотрена уголовная ответственность граждан, предложивших членам террористической группировки использовать свой банковский счет, оказывающих им помощь в переводе денег за границу или финансовую поддержку [47]. В 2020 г. надзорные органы Китая ужесточили меры воздействия в отношении физических и юридических лиц, осуществляющих незаконную деятельность на китайском рынке ценных бумаг, в том числе в связи с нарушением требований законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём [69, с. 27]. Китай предлагает международному сообществу усилить сбор и обмен информацией для того, чтобы перекрыть каналы аккумуляции финансовых средств террористов.

В заключение необходимо отметить, что сегодня Китай привлекают в регион Центральной Азии прежде всего экономические интересы. Дальнейшее развитие

контртеррористической стратегии КНР бесспорно будет связано с развитием инициативы «Пояса и Пути», связывающего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока, поэтому Пекину крайне важно поддерживать безопасность новых сухопутных и морских маршрутов. Как следствие, в перспективе можно ожидать более активного участия КНР в обеспечении безопасности региона, расширении географии антитеррористических учений. Тем не менее, действия Пекина могут привести не только к противоречиям с остальными участниками проекта «Пояса и Пути», но и с миротворческими миссиями ООН, властями региона. В странах Центральной Азии часть общества и элиты не желают видеть свои государства в слишком сильной зависимости от Китая, что приводит к возникновению внутренних конфликтов. С этим вынуждены считаться власти стран региона, вводя определенные внутренние ограничения, например, мораторий на продажу земли иностранным гражданам и юридическим лицам с иностранным участием. Китай должен решать и свои национальные проблемы, одной из которых является обвинение в притеснении мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в ущемлении прав этнических меньшинств, в частности – уйгуров. Эти трудности еще более обостряются в ситуации с распространением коронавируса, в которую вовлечено все мировое сообщество. Поэтому КНР еще предстоит решить немало проблем, прежде чем разрабатывать стратегические планы по наращиванию своего экономического и военно-политического присутствия в таком сложном регионе, как Центральная Азия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI в. терроризм приобрел новые масштабы, захватывает все новые территории, международные террористические организации обратили сегодня пристальное внимание на регион Центральной Азии. Это связано с тем, что в странах Центральной Азии переплелись экономические, конфессиональные, межэтнические, внутринациональные и территориальные противоречия. Политическая нестабильность в регионе, вызванная вышеуказанными противоречиями, значительными социально-экономическими проблемами, а также деформацией сознания за счет идеализации радикальных аспектов ислама создали благодатную почву для ростков экстремизма и терроризма.

Для противодействия этой всеобщей угрозе необходимо объединение усилий государственных и общественных структур, ветвей власти, средств массовой информации всех ведущих держав мира. Россия и Китай, граничащие со странами региона, не могут игнорировать сложившуюся ситуацию, их позиции совпадают в обоюдном желании обезопасить себя, не давая проникнуть на свои территории террористической угрозе. Перед ними стоят общие задачи сдерживания сил, которые используют Центральную Азию как базу для распространения и усиления международного терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Чтобы противостоять трем вышеупомянутым опасным факторам на международной арене Россия и Китай должны взаимодействовать друг с другом, укреплять сотрудничество и координировать свои действия.

Говоря о роли России и Китая в Центрально-Азиатском регионе трудно провести черту, где проходят границы интересов каждой из стран. У Москвы и Пекина больше совпадающих интересов, единства тактики и стратегии действий в Центральной Азии, чем противоречий. Представляется, что Китай преимущественно отвечает за развитие экономики стран региона и добычу ресурсов, осуществляет взаимодействие через ШОС и «Четырёхсторонний механизм по сотрудничеству и координации», а Россия остается главным

гарантом безопасности и действует в основном через Организацию Договора о коллективной безопасности, тем не менее также вкладывая средства в развитие экономик государств Центральной Азии. Такая конструкция сохраняет паритет и выгодна не только странам региона, но и России с Китаем. Важно, чтобы каждая из стран, не забывая о собственных интересах в регионе, вместе с тем «не тянула одеяло на себя», а предпринимала максимум усилий в своей антитеррористической деятельности и укрепляла сотрудничество не только между собой, но и с остальными странами.

Форматы сотрудничества двух стран носят разнообразный характер и должны постоянно совершенствоваться по ряду направлений. Они основаны, главным образом, на двух- и многосторонних соглашениях, договорах. На постоянной основе проводятся встречи руководителей на высшем уровне, где обсуждаются вопросы борьбы с международным терроризмом. Также осуществляется постоянное взаимодействие РФ и КНР, а также с другими странами в рамках ШОС, ООН, ОДКБ, участия в миротворческих миссиях. Вносятся изменения в национальное и международное антитеррористическое и сопутствующее ему законодательство с учетом текущей ситуации.

Проводятся совместные мероприятия в сфере военно-технического сотрудничества. России и Китай финансируют антитеррористическую деятельность стран Центральной Азии, поставляют новейшее вооружение, занимаются обучением и тренировкой военных. Ведется строительство технических и военных объектов, прежде всего на пограничных территориях, усиливается охрана границ. Одним из важнейших направлений остается проведение военных учений по отработке совместных действий в борьбе с терроризмом. Осуществляется обмен данными о террористических элементах по линии правоохранительных органов и спецслужб. Выявляются и пресекаются попытки совершения терактов, проводится профилактическая работа по выявлению «спящих» террористических ячеек. Россия и Китай выявляют и перекрывают финансовые потоки, подпитывающие террористов, борются с

наркотрафиком, незаконной миграцией, поставками оружия, всеми видами материальной помощи террористическим и экстремистским организациям.

В то же время, остается ряд проблем. Представляется насущной задача по формированию единого списка организаций, признанных террористическими, и запрете на деятельность таких организаций во всех странах. Единая база экстремистов и террористов должна постоянно пополняться актуальными сведениями, в том числе о их перемещении через границы государств, выезд из зон конфликта. Все страны должны четко выполнять действия по экстрадиции лиц, совершивших преступления террористической направленности, и оказывать помощь в их расследовании.

Для дестабилизации ситуации в Центральной Азии, пропаганды своей идеологии, вербовки сторонников террористические организации широко используют Интернет, применяют новые методы и технологии. Поэтому для России и Китая в приоритете сегодня должна быть борьба с кибертерроризмом, биотерроризмом. Целью является полный контроль Интернета, блокировка экстремистских сайтов, при этом имеет смысл воплощать идею суверенного Рунета, массово внедрять систему «безопасный город». Совместно должен быть разработан комплекс мероприятий по пресечению распространения биологического, химического оружия массового поражения, выявлению мест его производства и средств доставки.

Сотрудничество в противодействии терроризму служит значимой составляющей китайско-российского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, является мощной силой и ярким примером международного антитеррористического взаимодействия. Стратегия и тактика России и Китая должны постоянно совершенствоваться, это не только отвечает коренным интересам двух стран, но и идет на пользу безопасности и стабильности Центрально-Азиатского региона и всего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Андреев, М. Международный терроризм и международная безопасность нового качества / М. Андреев // Закон и право. – 2008. – № 8. – С. 7–9.
- 2 Ашимбаев, М. С. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии / М. С. Ашимбаев, А. Г. Косиченко. – Алматы: Дайк-Пресс, 2012. – 213 с.
- 3 Ашхабадская Декларация от 30.11.2011 г. «Об укреплении регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом в Центральной Азии» [Электронный ресурс]. – URL: https://capve.org/components/com_jshopping/files/demo_products/Central_Asia_-_The_Ashgabat_Declaration_ru_-_2017.pdf (дата обращения 15.03.2020).
- 4 Базаркина, Д. Ю. Терроризм и антитеррористическая деятельность. Коммуникационный аспект / Д. Ю. Базаркина. – М.: Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2013. – 364 с.
- 5 Безопасность в условиях пандемии: какие задачи будет решать ОДКБ в 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/227896424/> (дата обращения: 01.05.2020).
- 6 Безопасность в Центральной Азии-2019: итоги года [Электронный ресурс]. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/columnists> (дата обращения 15.03.2020).
- 7 Белоножкин В. И. Информационные аспекты противодействия терроризму / В. И. Белоножкин, Г. А. Остапенко. – М.: Горячая линия-Телеком, 2009. – 112 с.
- 8 Бокарев, Д. ОДКБ: планы на 2020 год / Д. Бокарев // Новое Восточное Обозрение. – 2019. – 10 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.journal-neo.org/2019/12/10/odkb-planu-na-2020-god/> (дата обращения: 24.05.2020).
- 9 Борисов, С. ОДКБ стремится унифицировать борьбу с терроризмом / С. Борисов // Интернет журнал военно-политической аналитики. – 2020. – 28 января. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vpoanalytics.com/2020/01/28/odkb-stremitsya-unifitsirovat-borbu-s-terrorizmom/> (дата обращения: 21.04.2020).

- 10 Борьба с международным терроризмом: сб. док-тов. – М.: Проспект, 2005. – 621 с.
- 11 Будаева, С. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия / С. В. Будаева. – Чита.: ЗабГУ, 2013. – 129 с.
- 12 В Киргизии отбывают наказание 558 осужденных за экстремизм [Электронный ресурс]. – URL: <https://crss.uz/2018/10/26/v-kirgizii-otbyvayut-nakazanie-558-osuzhdennykh-za-ekstremizm/> (дата обращения 25.04.2020).
- 13 Воробьев, А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России / А. Воробьев // Российский Совет по международным делам. – 2017. – 4 июля [Электронный ресурс]. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziyarastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 11.05.2020).
- 14 Вступят ли Туркменистан и Узбекистан в ОДКБ? [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusevr.asia/vstupyat-li-turkmenistan-i-uzbekistan-v-odkb/> (дата обращения: 29.04.2020).
- 15 Глава ФСБ подвел итоги антитеррористической работы за 2019 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/other/43337054-glava-fsb-podvel-itogi-antiterroristicheskiy-raboty-za-2019-god/?updated> (дата обращения: 24.05.2020).
- 16 Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902114207> (дата обращения 10.03.2020).
- 17 Госбезопасность Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sonar2050.org/publications/politika-nacionalnoy-bezopasnosti-knr-i-voenno-strategicheskie-konsercii-ee-obespecheniya/> (дата обращения: 19.04.2020).
- 18 Гусев, Л. Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ / Л. Ю. Гусев // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 1. – С. 126–133.

- 19 Декларация от 9.12.1994 г. «О мерах по ликвидации международного терроризма». [утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения 10.03.2020).
- 20 Декларация, дополняющая Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма. [утверждена резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 г.] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения 10.03.2020).
- 21 Делегация ОДКБ приняла участие в Совместной антитеррористической конференции ООН и ОБСЕ в Вене [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/delegatsiya-odkb-prinyala-uchastie-v-sovmestnoy-antiterroristicheskoy-konferentsii-oon-i-obse-v-vene/ (дата обращения: 22.05.2020).
- 22 Дмитричев, И. Талибан обогнал ИГ по числу жертв / И. Дмитричев // Рамблер/новости. – 2019. – 20 ноября [Электронный ресурс]. – URL: https://news.rambler.ru/africa/43196572/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copuLink (дата обращения: 17.05.2020).
- 23 Договор государств-участников Содружества Независимых Государств от 05.10.2007 г. «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма». [Электронный ресурс]. – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/dogovor-gosudarstv-uchastnikov.html> (дата обращения 15.03.2020).
- 24 Европейская конвенция о предупреждении терроризма, от 16.05.2005 // Документы Совета Европы. – 3-е изд. – Страсбург, 2005. – 14 с.
- 25 Европейская конвенция о пресечении терроризма, от 27.01.1977 г. // Документы Совета Европы. – Т. 3 – М., 1997. – С. 94–99.

- 26 Ермаков, С. М. Понятийные аспекты терроризма / С. М. Ермаков // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. — С. 36–48.
- 27 Закон Туркменистана от 25.11.2017 г. № 653-V «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]. — URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27928 (дата обращения 25.03.2020).
- 28 Закон Туркменистана от 28.11.2009 г. № 41-IV «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 25.03.2020).
- 29 Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / под ред. И. С. Иванова. — М.: Спецкнига, 2013. — 64 с.
- 30 Информационно-аналитическое агентство «Azattyq Rýhy». Новости Казахстана [Электронный ресурс]. — URL: <https://rus.azattyq-ruhy.kz/incidents/3236-tri-terakta-predotvratili-spetssluzhby-kazakhstanana> (дата обращения 29.03.2020).
- 31 Ионова, Е. Об угрозе терроризма в Центральной Азии / Е. Ионова // Россия и новые государства Евразии. — М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2015. — С. 60–71.
- 32 Исамова, Л. Лидер группировки, причастной к убийству таджикского генерала, сдался / Л. Исамова // РИА Новости. — 2012. — 13 августа [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20120813/722446031.html> (дата обращения: 25.04.2020).
- 33 Казанцев, С. Я. Антитеррористическое право: о формировании принципов / С. Я. Казанцев, Б. И. Кофман, С. Н. Миронов, Н. Х. Сафиуллин // Закон и право. — 2004. — № 10. — С. 28–31.
- 34 Кафтан, В. В. Противодействие терроризму: учебное пособие / В. В. Кафтан. — М.: Юрайт, 2015. — 262 с.

- 35 Китай и его роль в безопасности в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <https://stanradar.com/news/full/39288-kitaj-i-ego-rol-v-bezopasnosti-v-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения: 24.05.2020).
- 36 Климентьев, М. Организация Договора о коллективной безопасности / М. Климентьев // РИА Новости. – 2019. – 28 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20191128/1561602865.html> (дата обращения: 29.04.2020).
- 37 Козлова, Н. Террористы целятся в каждого / Н. Козлова // Российская газета RG.RU. – 2020. – 18 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/03/18/rossiia-nachala-borbu-s-terrorizmom-15-let-nazad.html> (дата обращения: 27.05.2020).
- 38 Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения: 23.05.2020).
- 39 Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/ (дата обращения: 23.05.2020).
- 40 Ларин, А. Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А. Г. Ларин, В. А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5. – С. 5–15.
- 41 Манкофф, Д. Политика США в Центральной Азии после 2014 года / Д. Манкофф // Pro et Contra. – 2013. – № 1-2. – С. 41–57.
- 42 Маслова, В. Кибератаки, химоружие и вербовка детей: глава ФСБ рассказал о новых вызовах в борьбе с терроризмом / В. Маслова // RT на русском. – 2019. – 21 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/633348-fsb-bortnikov-terrorizm-boeviki-deti-khimoruzhie-kiberataki> (дата обращения: 27.05.2020).

- 43 Международная конвенция от 14.09.2005 г. № 158-ФЗ «О борьбе с актами ядерного терроризма». – ИПС «Кодекс».
- 44 Международная конвенция от 15 декабря 1997 г. № 19-ФЗ «О борьбе с бомбовым терроризмом». – ИПС «Кодекс».
- 45 Международная конвенция от 9 декабря 1999 г. «О борьбе с финансированием терроризма». – ИПС «Кодекс».
- 46 Метелев, С. Е. Международный терроризм: современные тенденции формирования / С. Е. Метелев // Законность. – 2009. – № 2. – С. 41–45.
- 47 Мкртчян Н. Борьба с террористами: опыт Китая / Н. Мкртчян // Armedia. – 2016. – 22 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://armedia.am/rus/news/37236/borba-s-terroristami-opiyt-kitaya.html> (дата обращения: 27.05.2020).
- 48 Мукашев, С. И. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом / С. И. Мукашев // Москов. журн. междунар. права. – 2008. – № 3. – С. 114–126.
- 49 Мусаелян, М. Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» / М. Ф. Мусаелян // Журнал российского права. – 2009. – № 1. – С. 56–64.
- 50 На пути к Рах Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://elgezit.kg/2020/03/26/na-puti-k-rah-sinica-chto-neset-tsentralnoj-azii-ekspansiya-kitaya/> (дата обращения: 27.05.2020).
- 51 «Недостаточная защищённость границ»: в СНГ заявили о попытках ИГ создать опорный пункт в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/557838-terrorizm-sng-kirgiziya-ig> (дата обращения: 19.04.2020).
- 52 Новоженина, Е. В ООН назвали число иностранных террористов в Сирии и Ираке / Е. Новоженина // РИА Новости. – 2020. – 7 февраля. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200207/1564420753.html> (дата обращения: 22.04.2020).

- 53 Нуруллаев, А. А. Религиозно-политический экстремизм: понятие, сущность, пути преодоления / А. А. Нуруллаев, Ал. А. Нуруллаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия « Политология». – 2003. – № 4. – С. 83–92.
- 54 Нуруллин, О. Нелегал мигранту – не брат / О. Нуруллин // Союзники. ОДКБ. – 2020. – 23 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://odkb-info.org/news/prostranstvo-odkb/993/> (дата обращения: 25.05.2020).
- 55 Ордабаев, А. Транспортные коридоры Южной Азии и Кавказа / А. Ордабаев // ИМЭП при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации. – 2016. – 48 с.
- 56 Панфилова, В. Мирзиёев определился с первым визитом / В. Панфилова // Независимая газета. – 2017. – 15 февраля [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/cis/2017-02-15/7_6929_uzbekistan.html (дата обращения: 29.04.2020).
- 57 Парубочая, Е. Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе / Е. Ф. Парубочая // Манускрипт. – 2016. – Т.1, № 6 (68). – С. 147–151.
- 58 Плотников, А. В. К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» / А. В. Плотников // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2009. – № 3. – С. 105–117.
- 59 Полемика о будущем экстремизма в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20180213/241437563.html> (дата обращения: 20.04.2020).
- 60 Постановление Правительства Республики Казахстан от 15.03.2018 г. № 124 «Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы». – ИПС «Әділет».
- 61 Постановление Правительства Российской Федерации от 12.02.2020 г. № 128 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о

подписании Соглашения об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза». – ИПС «Кодекс».

62 Постсоветское пространство 2020: Безопасность Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-centralasia-security/> (дата обращения: 02.05.2020).

63 Путин утвердил новую редакцию Стратегии противодействия экстремизму [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/8602185> (дата обращения: 02.06.2020).

64 Россия предложила в рамках СМВД ОДКБ изучить вопрос о сотрудничестве в области биологической безопасности [Электронный ресурс]. – URL: <https://paodkb.org/events/rossiya-predlozhila-v-ramkah-smid-odkb-izuchit> (дата обращения: 24.05.2020).

65 Сазонов, С. Л. Центральноазиатское направление транспортной стратегии Китая / С. Л. Сазонов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 274–288.

66 Сафронова, Е. И. Стратегия «Один пояс – один путь» как носитель мягкой силы Китая / Е. И. Сафронова // Новый Шелковый путь и его значение для России: сб. ст. – М.: ИДВ РАН, 2016. – С. 84–108.

67 Случаи предотвращения терактов на территории России в 2018-2019 годах [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20190301/1551471111.html> (дата обращения: 24.05.2020).

68 Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной республикой от 22.11. 2016 г. № 390-ФЗ «О сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». – ИПС «Кодекс».

- 69 Станислав Зась: угрозы военного конфликта ОДКБ с НАТО нет [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200515/1571449281.html> (дата обращения: 24.05.2020).
- 70 Страны ОДКБ проведут совместную операцию [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/army/41899735-strany-odkb-provedut-sovmestnuyu-operatsiyu/> (дата обращения: 29.04.2020).
- 71 Стратегия мира и безопасности: объединяя усилия в противодействии терроризму [Электронный ресурс]. – URL: https://www.inform.kz/ru/strategiya-mira-i-bezopasnosti-ob-edinyaya-usiliya-v-protivodeystvii-terrorizmu_a3388980_____ (дата обращения: 20.04.2020).
- 72 Терроризм в современном мире / под ред. А. П. Кошкина. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – Вып. 5. – 108 с.
- 73 Терроризм и его влияние на безопасность Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <http://antiterrortoday.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/tsentralnaya-aziya/ts-a-region/184-terrorizm-i-ego-vliyanie-na-bezopasnost-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 27.04.2020).
- 74 Титаренко, М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире / М. Л. Титаренко. – М.: ИД Форум, 2012. – 543 с.
- 75 Угроза терроризма в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.journal-neo.org/2015/10/10/ugroza-terrorizma-v-tsentral-noj-azii/> (дата обращения: 21.04.2020).
- 76 Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – СПС «Гарант».
- 77 Устинов, В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика / В. В. Устинов. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 559 с.
- 78 Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – СПС «Консультант Плюс».

- 79 Фролова, И. Ю. В КНР представили стратегию борьбы с терроризмом в Синьцзяне / И. Ю. Фролова // Российский институт стратегических исследований. – 2019. – 26 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://riss.ru/analitycs/58774/> (дата обращения: 27.05.2020).
- 80 Фролова, И. Ю. Взаимодействие в рамках Четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана / И. Ю. Фролова // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1 (58). – С. 37–48.
- 81 Цзан Цземэй. Обзор уголовного законодательства о борьбе с терроризмом и «Закона о борьбе с терроризмом» Китая / Цземай Цзан // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 313–318.
- 82 Чжан До. Современное состояние проблемы сетевой безопасности в Китае: кибертерроризм и механизмы борьбы с ним / До Чжан // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. Т. 6. – № 3А. – С. 330–342.
- 83 Чуганов, Е. Г. Международно-правовые стандарты и нормы в области противодействия терроризму / Е. Г. Чуганов // Рос. следователь. – 2004. – № 12. – С. 39–44.
- 84 Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. № 312-рп «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». – СПС «Консультант Плюс».
- 85 Шимаев, Р «Обстановка сложная, но контролируемая»: в НАК подвели итоги борьбы с терроризмом в 2018 году / Р. Шимаев // RT на русском. – 2018. – 11 декабря [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/581846-nak-protivodeistvie-terrorizm-itogi-2018> (дата обращения: 24.05.2020).
- 86 Connecting Central Asia with Economic Centers: Asian Development Bank Institute. – Tokyo, 2014. – 124 p.
- 87 Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. – Sydney, 2019. – 101 p.